

Эрве Гибер

ПУТЕШЕСТВИЕ С ДВУМЯ ДЕТЬМИ

перевод Алексея Воинова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Hervé Guibert
Voyage avec deux enfants

© 1982 by Les Editions de Minuit

В оформлении обложки использована фотография, сделанная Эрве Гибером в Марокко в 1982 году во время «путешествия с двумя детьми».

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Kolonna Publications, 2011

© Алексей Воинов, перевод, 2011

ISBN 5-98144-143-1

Моим спутникам

Когда испанцы покидали это королевство, один из них попросил сына повелителя некой деревни или провинции уйти вместе с ним; мальчик сказал, что он не хочет покидать свою страну. Испанец ответил: «Пойдем со мной, иначе я отрежу тебе уши». Мальчик отказался. Испанец вынул из ножен кинжал и отрезал ему одно ухо, потом другое. И, так как мальчик повторял, что не хочет покидать свою страну, он, смеясь, отрезал ему нос, словно все это были лишь волосы.

*Бартоломе де Лас Касас**,
«Кратчайшее сообщение о разрушении Индии», 1552

* Бартоломе де Лас Касас (ок. 1484 – 1566) – испанский путешественник, историк и публицист. Выступал в защиту индейцев Америки. (Здесь и далее прим. переводчика)

¹⁰ Путешествие начинается в воскресенье, 14 марта 19... года.

Пятница, 19 марта

Когда Б. предложил мне отправиться в это путешествие, я представил мое тело в пространстве между пустыней и морем. Но самое главное, – это доставляло особое удовольствие, – я представил некую опору для моего тела: оно стояло на горной дороге или на вершине дюны, между морем и пустыней, к которым поворачивалось той и другой стороной, оно возвышалось над обоими детьми на иных наблюдательных пунктах, расположенных ниже (в этом упрощенном пейзаже дети, видимо, пытались выследить появление крошечных животных среди песчинок). Самое главное, я представил небывалую одежду для моего тела: разумеется, не полуобнаженного тела в плавках, но тела, покрытого чем-то легким, касающимся самой кожи, и то безразличие, с которым на мое тело могли смотреть, какое положение оно бы ни принимало, никакой обман не пытался его обезличить, это было бы только голое тело в одежде, которое оставило бы эту одежду, чтобы при

случае укрыться под простынями, и не было бы телом, сокрытым, спрятанным под одеждой. Стало быть, лен и хлопок, белое, просторное, что могло быть волнуемо ветром, ибо ни в коем случае жара не должна быть тяжелой, и несколько цветных пятен, которые вспыхивали бы на галстуке, шарфе или наброшенном на плечи свитере, несколько цветных пятен в речи, сомбреро. Тишина. (Кто-то пресек детские возгласы? Но нет, пусть у них будет возможность петь, пусть у них будет возможность смеяться). В самом начале мои размышления вытеснили присутствие другого взрослого в этом пейзаже.

II

Суббота 13 марта (ибо я в поиске предшествующих событий)

М., у которого я ужинал в этот вечер, мимоходом рассказал мне ужасную вещь из хроники происшествий: какой-то заурядный человек («они хуже всех», – говорит моя двоюродная бабушка, которой я рассказываю эту историю на следующий день), некий сантехник нападает на улице в Монпелье на трехлетнего мальчика, насилует его, затем душит. Потом он относит его тело к себе домой, показывает труп жене и двум своим детям. Он говорит: «Вот, что я натворил, вы должны мне помочь». Тогда вся семья засовывает тело в пластиковый мешок, и сын (я представляю, что ему лет четырнадцать, но на самом деле ему восемнадцать) получает поручение избавиться от него. Амортизационными шнурами он привязывает тело, искривив и измяв, к багажнику велосипеда. Едет по пустынной дороге вдоль пропасти. Он знает, что должен выбросить тело как можно дальше,

но внезапно его тревожит какой-то треск за спиной: нога ребенка прорывает пластик и, посиневшая от сильного сжатия, высовывается и повисает в воздухе. Большой мальчик теряет рассудок и кидает малыша в яму, после чего едва прикрывает его листьями и землей.

12 Что нас – М. и меня – поражает в этой истории больше всего, так это принятие на себя всей семьей преступления отца, семейная солидарность настолько сильна, что в ней может раствориться даже труп (действие этого правила, на мой взгляд, подобно действию сока или кислоты, выделяемой насекомым, чтобы парализовать жертву перед тем, как ее сожрать, или после того, как ее наполовину сожрали). Но моя мать, когда я ей об этом рассказываю, моя мать, выступающая, тем не менее, за смертную казнь, почти не удивляется и говорит мне: «Ну, а если бы речь шла о тебе, если бы ты сделал что-то подобное, мы бы тоже пытались спасти тебя всеми средствами».

Четверг, 18 марта

Вместе с Т. я пошел купить свитер малинового цвета и другой, цвета лазури. Еще я купил черный шелковый галстук, на котором нарисован аэроплан. Вечером я посмотрел атлас, и на расстоянии, которое отделяло мои глаза от абстрактных линий, пролегли дороги, я представил себе пыль.

Воскресенье, 14 марта

Б. дал мне дневник человека, любящего детей. Иногда я его читаю, будто это учебное руковод-

ство, перед поездкой, прекрасно зная, что буду поступать по-другому. Атлас настоящей страны, в сторону которой я направляюсь: любовь и компания из детей. Этому человеку уже сорок лет, он живет у родителей и не умеет плавать. Каждый вечер он должен принимать поразительное количество таблеток снотворного, словно чтобы унять неутраченное желание, и все напрасно (когда он гладит ребенка по волосам, то с болью замечает, что голова-то его на это «не реагирует»). Влюбленный в исполина четырнадцати лет, он опрометью несется к могиле, он коллекционирует грязные детские трусики в склянках и волнуется, читая в газетной хронике о маленьком пастухе или о маленьком бербере, которого забросали камнями за то, что он, изнасиловав, убил самца пеликана.

13

Среда, 16 марта

Я был с племянником, – ему исполнилось тогда четыре или пять лет, – в кинозале, где показывали какой-то коммерческий фильм, как оказалось, запрещенный для просмотра детям до тринадцати, это был первый фильм, который видел племянник, мы лежали с ним на полу, он – между моих ног, я гладил его виски, я был готов закрыть ему глаза рукой, если на экране появится что-то непристойное, но больше спрашивал себя, мой ли долг закрывать ему глаза, и как раз в этот момент на экране, к которому мы были очень близко, возник голый мужчина с эрегированным членом, и я уже не мог удержать племянника, вид стоящего члена свел его с ума, захватил; привлеченный им, он поднялся, чтобы следовать за движениями актера, тот уже исчез с экрана, но продолжал

быть видимым, хотя и приглушенно, на стене возле экрана, тогда племянник, которого мне не удавалось удержать, пошел лизать стену в месте, куда проецировалось изображение члена, но, как только он дотронулся до стены языком, голый актер совершенно исчез, и язык моего племянника оставил на стене след, словно то был ожог или прозрачная пленка. Снова забрав ребенка к себе, так как вокруг нас были люди, из-за неловкости чувствуя, что в случившемся есть что-то смешное, я дал ему легкий подзатыльник.

Воскресенье, 21 марта

Проснувшись утром и уже много дней не испытывая оргазма (может быть, я впервые отказал себе в этом рядом с Т., всегда мне его дарившим), я заставляю себя кончить, думая о ребенке. Но это будто не погружающийся, лишь едва касающийся песка якорь, скользящий и уводящий корабль в чужие края вслед за ветром (порыв моего наслаждения связан с образом взрослого человека), мой иступленный бред не перестает разоблачать ребенка, которого я себе навязываю, он удаляет меня от него, вместо того, чтобы приближать, он крадет его у меня и приводит меня обратно к основанию непристойного здания, переполненного уже созревшими телами, терпеливо возводимого мною с тех пор, как я научился испытывать удовольствия. Вернуться к ребенку, не обращая внимания на встречные ветра, сражаться против течения, выпустить из рук знакомые тела, словно гниющие фрукты, заменить их в тех же позах телами щуплыми, чахлыми, – отличная дрессировка, новый вид подготовки к поездке. Я зову обоих

мальчиков, которые должны меня сопровождать, и я тесно прижимаю их к себе в углу, в одной из привычных галлюцинаций, позволяющей им не упасть, побелев, в обморок, или не расти, с головокружительной скоростью превращаясь во взрослых; в этом тайнике, в этой лишь намеченной пунктиром модели, в которую они должны войти, чтобы занять место старших братьев, они стоят, их движения скованны, а я опускаюсь к их ногам, чтобы раздеть их и поцеловать голые лобки, ко мне вновь возвращается ощущение перед рвотой, и я наконец извергаю слишком долго сдерживаемый неумелый плевок почти зеленого цвета, совершенно и идеально детский.

15

Понедельник, 22 марта

Во время этой работы, расточающей образ взрослого человека, Б. должен следовать сходной, но противоположной дорогой: не выдавать детей за взрослых, а постоянно сопротивляться тому, чтобы принять ребенка за взрослого; идти с опущенной головой, ослепшими глазами, словно навстречу песчаной буре, каждая песчинка которой будто секунда жизни, удаляющая его еще чуть больше от объекта любви, означающая всю абсурдность, незыблемую нереальность, ибо каким же образом любовь истинная может развеяться с появлением на коже волос, с любой слишком заметной возрастной переменой? Б. держит ребенка в тисках неподвижности, ступора, как мастер по изготовлению монстров, он прокликает неумолимость окостенения, он бросается всеми возможными оскорблениями, он срывает связки и рвет маленький язычок красной плоти, болтаю-

щийся в горле, он даже вываливает наружу железы, придающие слишком едкий вкус всем потам лихорадок. Он посыпает тело сахаром, покрывает его клубничной и карамельной пудрой. Он избирает любимого младшего брата, спящего у него на руках, чтобы опробовать бритву, и бреет ему не только вокруг губ, но и его ноги, его лобок. И, когда брат увертывается от бритвы, он отрекается от него.

16

Вторник, 23 марта

Если я таким образом демонстрирую некую непринужденность моего тела (неизведанная свобода, о которой можно только мечтать), то, наверное, это потому, что дети никогда не будут на него смотреть. Они будут его слепыми, безразличными зрителями. Я предчувствую, кроме обезличенного отвращения (не любить мужчин или не любить женщин, – не излишне ли все это неизбежно?), полное отсутствие у них осознания взрослого тела. Я прекрасно вижу, что Б. собирается носить одежду, тщательно скрывающую волосы на груди, но я уверен, что они незаметны даже тому ребенку, что спит рядом с ним. Я вспоминаю себя в возрасте шестнадцати лет вместе с Ж.-Ф., моим любовником: я был даже не в состоянии определить, какого он возраста, вроде бы не слишком старый, вероятно, даже моложе, чем я теперь, и, тем не менее, для меня сразу и окончательно он находился по другую сторону, я мог равнодушно спать с волосатыми или пузатыми мужчинами (не испытывая ни особого отвращения, ни особого удовольствия от этих их черт, так как почти о них не задумывался), мужчина всегда был мужчиной,

отличный от меня, взрослый. Несмотря на все попытки сблизиться, стать схожим, и это стремление вновь вернуться в детские годы с помощью одежды, игры, потока удовольствий и яств (вновь ощутить на вкус невыносимую горечь цикория, овсяного корня, белой свеклы), мне кажется, что взрослый никогда не сможет соединиться с ребенком. Детство – столь нарциссичное время, что оно не видит взрослого или же видит во взрослом лишь взрослого: тело, навсегда непохожее.

17

Б. сказал мне: «И, может быть, в этот раз мы станем купаться». Я ему ответил: «Нет, я до этого не дойду, но я дам тебе искупаться, обещаю, что ни разу не взгляну на твое тело».

Среда, 24 марта

Я отдаю заспанное тело ребенка, словно пищу, любителям крови, жалам и хоботкам насекомых, тарантулов. Алая кровь ребенка, его резкий запах защищают мой сон. Или же, наоборот, я жертвую своей кровью, чтобы спасти кровь ребенка, пока он спит под москитной сеткой, рядом с ним я выравниваю свое дыхание, чтобы разжечь вакханалию вампиров с надкрыльями, и выставляю вперед голые и незащищенные руки, вечером перед сном мои вены – словно посадочные полосы с небольшими насечками, чтобы из них проступила кровь, чьи капли служат указателями, которыми я обозначаю пути удовлетворения. На рассвете, пока ребенок еще спит (но что ему снится? Я готов засунуть пальцы под его веки, чтобы расшифровать его сны), взяв нож, я ухожу в джунгли нарезать бамбука и затем поломать и скрутить, делая арки, чтобы еще лучше расположить москитную сетку,

под которой по вечерам я держу ребенка в заточении, набрать туда побольше воздуха, чтобы его дыхание звучало музыкой. Однако, прекрасный способ добраться до кожи ребенка, – дожидаться, когда он начнет жаловаться и попросит смазать ему волдыри, вытащив из них ногтями оставленное внутри жало: значит, нужно сделать остриями ножниц небольшие и незаметные дырочки в москитной сетке, на одежде со стороны спины.

18

Воскресенье, 14 марта

Я случайно зашел к Б. Он мне говорит: «Сегодня вечером я уезжаю в А., мы садимся на ночной поезд» (он ехал с прелестным ребенком). Я ему говорю: «Я настолько тебе завидую, я так бы хотел уехать, но не знаю, куда направиться, может быть, в Италию? И с кем? Т. держит его работа, и потом я вечно возвращаюсь в Италию, вечно в один и тот же город, в один и тот же отель, в одно и то же время. Мне нужен незнакомый пейзаж». Тогда он произносит фразу, в которой были те самые слова: «между морем и пустыней», и эта фраза стала приглашением. Он приглашал меня уехать вместе с ним, с обоими детьми. В благодарность мне захотелось его обнять. Его приглашение оказалось подарком: я и не подозревал, что в то же самое время он дарит мне книгу, которая не была и не должна была быть написана.

(Я знал, что этот подарок, который невозможно разделить с Т., его опечалит. На следующий день я уже жалел об этом и все время откладывал момент, чтобы сообщить ему обо всем. Я уже начал мечтать. Но, когда я рассказал ему о своей мечте, он сразу же принялся ее портить, он предвещал

мне пауков-птицеедов (он знает, как я боюсь насекомых), скорпионов, закрытых в банках из-под варенья и выброшенных местными на дорогу, по которой ходят белые. Он напомнил мне этим о детской злобе.)

Сентябрь предыдущего года

Последний большой детский кошмар в моей взрослой жизни. Я уехал с двадцатью пятью учениками 5-го класса Коллежа* Удовольствий, которые выиграли первый приз на конкурсе, посвященном радио: сафари в Африке. После бессонной ночи в самолете, огромной развалюхе, то и дело подсакивавшей из-за грозы, долгого и мокрого тревелинга в каком-то грузовичке из Найроби до лагеря, войны со сном, красной пыли и лихорадки, слишком яркого света, я стараюсь не спать, сидя спереди, и между мной и шофером оказывается светловолосый и хрупкий ребенок, у которого то же имя, что у меня, из-за усталости его голова при движении раскачивается в стороны, в тесном пространстве, которое мы делим, его сознание борется, чтобы не расслабиться возле меня, его товарищи сидят сзади, и я наконец шепчу ему, чтобы он не сопротивлялся, и сразу же его щека оказывается на моем плече, и он засыпает. Я нахожу в этом теплом контакте некую радость, это словно околдовывающая сила тяготения, заставившая

19

* Коллежами во Франции называют учреждения, не принадлежащие к средней школе. В современной Франции школьники учатся в коллеже четыре года, примерно между 11 и 15 годами. Нумерация классов идет по убывающей: из шестого класса ученик переходит в пятый, и т.д. В пятом классе учатся дети 12-13 лет.

меня общаться с ребенком, тайный жар, на поворотах я стараюсь восстанавливать равновесие так, чтобы его голова не падала, вдоль дороги бегут люди, они возникают меж банановых и кофейных деревьев и с помощью привязанных ремнями к спине небольших медных баллонов дезинфицируют траншеи, они рубят сгоревшие пальмы, нагружают себя горами хвороста, сидящие на корточках полицейские ищут вещественные доказательства, освобожденные безумцы танцуют, протягивая нам свои ладони. Но вечером, когда я уже лежу один в своей палатке, я слышу вокруг насмешливые голоса: «Вы видели, – говорит один, принадлежащий, кажется, тому, кто руководит этой грозной забавой, – как на поворотах его тело клонилось влево, когда оно должно было клониться вправо... ну конечно, цыпленочек, расслабься, я о тебе позабочусь...» Я молча их проклинаю. На следующий день мы отправляемся в крокодил-бар большого отеля: с высоты балкона мы смотрим на каймана, который отдается течению зеленой реки, потом лениво взбирается на песчаный берег к горке розовых и вонючих кишок, брошенных ему негром в ливрее. Когда мы покидаем этот спектакль, светловолосый ребенок, который спал на моем плече, подходит ко мне и говорит со злой улыбкой: «Ты видел, как крокодил жрал отбросы? Так знай, что скоро мы будем этим крокодиллом, а ты станешь падалью...»

Среда, 17 марта

Я продолжаю читать Сен-Жон Перса (первые стихи, которые могу по-настоящему оценить после Уитмена и Кавафиса), гулять по его джунглям,

дышать его влажным и зачумленным воздухом, купаться в его жарких, обильных и населенных морях, слушать его трепещущих птиц. В этом убежище, в котором я обретаюсь перед моей конфирмацией, он словно управляет моим сознанием.

Суббота, 20 марта

Я начал составлять списки, но не знаю, не помешают ли моему проекту все эти строящиеся рядами слова (одежда, цвета, пища, игры, ловушки, звери, мечты, лихорадки), или же они, напротив, станут полезными предписаниями. То же самое со сбором различных материалов: всю вторую половину дня я бродил из одного книжного магазина в другой и двигался до того странно, с неопределенностью и в то же время упорством, что в одном из них меня приняли за вора. Я искал книгу о флоре и фауне Северной Африки, купил старых путевых дневников исследователей, авантюристов, конкистадоров, энтомологов, Кука, Дарвина, Лаперуза, Марко Поло, Фабра, Гумбольдта, я их еще не раскрывал. Может быть, я их и не раскрою, но также может быть, что их присутствие (небольшая грудa у моих ног) что-то нашепчет моему воображению. Я верю в это свойство книг, иногда нужно оставлять их закрытыми, чтобы они раскрыли свои секреты.

21

Среда, 24 марта

Двое детей между собой дружат, и любовь взрослого, подаренная одному из них, немного удаляет того от приятеля. Избранный ребенок

больше не ходит в школу, он более красив, у него светлые пряди, родинки на шее, всегда украшенной золотом, он резв, как маленькое животное. Брошенный ребенок продолжает ходить в школу и страдает из-за потери товарища, этого ребенка менее всех можно напрямую назвать прелестным, у него что-то типа бельма на глазу, а лицо напоминает мордочку попугая; он бледнее и апатичнее, и, конечно же, именно его я решил возжелать, если здесь может идти речь о желании. Классическая красота первого лишь проявляет красоту уродства второго. Красота одного – боль другого, уродство одного – любовь другого. Вечером после нашей встречи, когда еще ничто не предвещало этого путешествия, я написал в дневнике: «из двух детей я выбираю того, чье очарование наименее очевидно, я буду целовать родимое пятно возле его глаза, его правое веко, которое плохо закрывается, все пятнышки на его бедрах и на затылке». Возлюбленный ребенок предъявил любви взрослого условие, что неприятный, некрасивый ребенок будет рядом. И, может быть, взрослый предложил мне поехать только, чтобы избавиться от нелюбимого ребенка и, поручив его мне, отдохнуть от его излишнего присутствия. Но я с удовольствием буду охранять его сны, буду его обмахивать, растирать его окоченевшие ноги.

Март предыдущего года

Возвращаясь с Т. из поездки в Польшу, я читаю в самолете хронику происшествий, и одно событие меня тревожит. Как-то раз в маленьком американском городке возле мальчика десяти лет, возвращающегося из школы, останавливается машина.

Мужчина за рулем говорит: «Садись, я отвезу тебя к родителям». Но, когда машина проезжает мимо дома родителей и ребенок удивляется, мужчина говорит: «Родители назначили меня твоим опекуном. Ты знаешь, кто такой опекун? Теперь я буду тобой заниматься». Мужчина, готовившийся к этому долгие месяцы, чувствует великую радость, когда видит, что ребенок согласен, что он не задает никаких вопросов и ни о чем не беспокоится. Они уезжают в другой город, мужчина покупает ребенку другую одежду, записывает его в школу. Как выяснилось потом, мужчина вел долгую разведку, прежде чем выбрать себе ребенка, не того, которого легче всего похитить, но того, чей внешний облик и поведение, за которыми он наблюдал на расстоянии, идя пешком или из своей машины, очаровывали его больше всех. Закон отнял у этого мужчины, бывшего женатым, возможность заботиться о собственном ребенке: за несколько недель до того мужчина вышел из тюрьмы, он был арестован и осужден за кражу и изнасилование другого ребенка. Если углубиться в его историю, можно узнать, что, когда он сам был ребенком, его также однажды изнасиловал взрослый. Но вот, наконец, мужчина счастлив с избранным сыном: они останавливаются в мотелях, чтобы выжить, мужчина устроился на работу ночным сторожем, им приходится переезжать из города в город, потому что всегда настает момент, когда директор школы жалуется на отсутствие документов, удостоверяющих личность или наличие других членов семьи. В каждом городе они меняют машину. Объявления о розыске разосланы во все страны, все напрасно, их не могут найти. Во время отлучек нового отца ребенок часто оставался один перед телевизором, но ни разу и не подумал скрыться.

За четыре года он не написал ни одного письма настоящим родителям. Но вот он достаточно вырос или, может быть, перешел возраст, предпочитаемый взрослым, когда тот начинает вдруг все чаще и чаще отсутствовать и однажды, вернувшись, говорит ребенку: «Идем, пойдем со мной, я хочу тебе кое-кого показать, хочу узнать твое мнение». Они садятся в машину, паркуются рядом со школой. Внезапно от шумной толпы, выходящей из школы, отделяется хрупкий белокурый ребенок точно такого же возраста, в котором был выбран первый, они едут за ним вдоль тротуара, наблюдая, как тот в одиночестве возвращается домой, и мужчина в машине говорит ребенку: «Он тебе нравится? Знаешь, мне было очень сложно найти кого-нибудь, кто бы тебе понравился, но вот, представляю тебе брата...» И младший ребенок, как и первый, не задавая вопросов, садится в машину, все трое перебираются в другой город. Но как только взрослый в первый раз исчезает, чтобы найти работу, старший ребенок берет младшего за руку и отводит в полицию. Родители забирают детей, мужчину задерживают. Первого ребенка расспрашивают, его заставляют говорить об отношениях, которые были у него с женщиной. По воскресеньям они вместе играли в футбол. Его спрашивают, почему он никогда не пытался сбежать, и он отвечает: «Я не мог с ним так поступить, он совершенно несчастный тип». О ревности или измене не говорится ни слова. В вещах мужчины находят порнографические фотографии с участием детей, и ребенка спрашивают, не пробовал ли взрослый делать с ним что-то недозволенное. «Вы смеетесь», – бросает ребенок телевизионным камерам. Родители заваливают его игрушками, собранными за четыре прошедших Рождества.

Психологи во время процесса пытаются отыскать в прошлом мужчины какие-нибудь новые детали и узнают, что в детстве, находясь в совершенной тьме, он направил на себя луч электрического фонаря и смотрел на него так долго, что чуть не ослеп.

Четверг 25 марта

25

Позавчера вечером, встретив на бульваре Капуцинов мальчика, к которому я подходил месяц или два назад в музей, и который в знак отказа одарил меня тогда милой улыбкой, из-за одного взгляда и сразу возникшего во мне беспокойства я почувствовал, как рушится конструкция всей поездки, а вместо нее появляется иная романтическая конструкция. Я сразу же увидел свой проект со всей его тщетностью и неискренностью: мальчик из музея, словно напоминание о настоящем желании, сбил все с толку. В самом деле, меня воодушевляет возраст взрослого человека, а не детство (точно так же, как эротические ощущения вызывает во мне определенная температура: это не жар, но холод: одно из моих самых красивых воспоминаний – то, как однажды ночью я мастурбировал у корней дерева, стоя на коленях в снегу против встреченного мною мальчика, и расстояние между нами было таково, что мы не могли ни коснуться, ни поцеловать, только смотрели друг на друга). Надо будет вновь овладеть собой, навязать себе детство, всевозможными трюками, образами, воспоминаниями заставить его вернуться в меня. Я мог бы также представить, что оба ребенка – не настоящие дети, а взрослые, чей рост остановился (ведь служат какой-то цели все эти напитки Б., гоголь-

моголи, сабайоны*, кокосовое молоко?), вот уж нелепое средство. Стоит одному из детей потерять зуб, и я выйду из своего заблуждения, тогда я надену маску льва и буду обменивать под подушкой последние молочные бивни на золотые монеты, и, как только в пустыне у меня появится жажда, я буду сосать во рту детский зуб, чтобы ее утолить.

Более недели перед отъездом, уже двенадцать дней всевозможных приготовлений. Однако мне нужно этим заняться сейчас же: я решил вести себя так, будто уезжаю завтра. Взял семь листков, наверху поставил числа каждого дня следующей недели, словно это графы, которые мне осталось заполнить для изучения грядущей поездки. Я смогу еще воспользоваться атласом, чтобы обозначить для себя несколько названий, уточнить расстояния. Это будет первая часть книги: первое путешествие свершится здесь, в этом спокойном бюро, выходящем на белые и серые дома, на этот кран, который, поворачиваясь, скрипит, это путешествие случится посреди моих книг, моих бумаг, в моем душевном покое, в моем уединении. Вторая часть книги будет дневником настоящего путешествия, в чередовании резкого света и прохладной тени, в шуме и гулкой близости детей, их смеха, их запаха произойдет отречение от моих слов. Более тонкая, нежели первая, более запыхавшаяся и более раскаивающаяся, может быть, менее восхищенная, она объединит усталость от ходьбы и ломоту, дурной сон, тошноту и голод, то-

* Сабайон – десерт итальянской кухни из взбитых желтков, сахара и вина.

ску (в ней мое тело узаконено, постоянно). Тоска потому, что, если первая часть должна быть рассказом об удовольствии, следующая часть грозит рассказывать о страдании.

Суббота, 3 апреля (шабат)

Я, белый человек, среди черных детей, нищих, жополизов, пожирателей желудей, лохмачей, сосунов костного мозга и сопель, нюхачей воска, охотников на дурачка, расхитителей, живодеров, ловящих кошечек, колдунов, насылающих порчу, искателей меда в мушином лесу, я, белый человек в панаме, с моими белыми детьми, которые находят для меня новые тропки, счищают грязь с моих башмаков, разгоняют оцелотов, чей сиплый зов меня устрашает, они мои соблазнитель, мои провожатые, мои загонщики, я пересекаю оазис, я привожу их в храм, чтобы принести в жертву богу папируса, бледному идолу Эжену*, я оскопляю их, еще не достигших половой зрелости, с помощью тонких шнурков (еще я дарю скрытному и притворному богу чистейшие стоны и жалобы, восхитительнейшие записи), вместе мы забавляемся тем, что делаем приманки, плетем коврики посреди пальм, дабы заставить споткнуться негритянские ноги детей, приторговывающих камушками, пожарить их ночью, сваренных в месиве из засахаренных фиников.

27

* Скорее всего, речь о писателе, близком друге Эрве Гиберы – Эжен Савицкая. Они родились в один год (1955) и оба начали публиковать свои первые книги в издательстве Minuit. Много лет спустя Э. Гибер говорил, что, подобно Т. Бернхарду, Э. Савицкая был для него подлинным вдохновением.

Воскресенье, 4 апреля

28

Пляж. Некрасивый ребенок похоронил себя в кишасщем червями песке, чтобы ощутить прохладу, виден только его нос и палец ноги, о котором он позабыл, он заботливо защитил веки платком, он ничего не страшится. Очаровательный ребенок прыгает в жарком воздухе, я делаю с него набросок в синеватой дымке, которую он приводит в движение каждым ударом ракетки, однако у него нет партнера для бадминтона (его взрослый друг уснул, пожеывая стебель мака), он играет ради одного моего удовольствия, я склоняюсь над бумагой верже, снова и снова черчу тонким и сухим штрихом каждый его изгиб, кривые его прыжков, завтра я добавлю цвет, завтра у меня будет тюрбан, который я попросил покрасить, я выбрал с женщинами чан самой яркой краски (говорят, ее добывают из расплавленной на солнце смолы бальзамического тополя меж двумя равноденствиями), и завтра с этим розовым покрывалом, повязанным на висках, которое, распутившись, спадет на плечи, он разденется, как мне обещал, и для меня станцует. Взамен я открыл ему один секрет и пообещал, что научу его говорить по-сабирски.

Понедельник, 5 апреля

Дети прикрепили меня веревками к саговой пальме, чтобы научить плавать. Перевязанный ремнем внизу живота и раскачиваемый изогнутой стянутой веткой, я пока еще не касаюсь воды (все ли здесь столь дики, чтобы не признавать существование спасательных кругов?). В гори-

зонтальном положении, все время под угрозой, что веревка разорвется или же я слишком сильно вдохну, я пытаюсь плыть в воздухе, однако, если кто-нибудь посмотрит на меня издали или снизу, как это делает взрослый, фотографируя (за что хочет он отомстить?), я прекрасно понимаю всю смехотворность моего положения, я только дрыгаюсь и царапаю себе нос. Урок плавания быстро перешел в шутку, а для меня в пытку: у корней саговой пальмы некрасивый ребенок держит веревку, которая в любой момент может заставить меня упасть, у его ног (случайно ли это?) лежит топор. А очаровательный ребенок, в свою очередь, держит тросточку, которой не перестает укрощать мои бешеные движения и еще украдкой шлепать по заду и щекотать ноги, которые я имел неосторожность оставить голыми. Что же касается взрослого, он складывает руку козырьком, смотря против солнца, и, весь смеясь, с особым удовольствием ловит на моем лице признаки паники и возвещает о появлении в океане кружащих черных плавников. Меня то опускают, то поднимают, давая испить всю чашу, я сыплю мольбами и проклиная своих родителей, которые никогда не учили меня плавать, испытываю систему подъемника, в сооружении которого только что имел глупость принять участие. Когда я появляюсь из теплой воды, поднимаемый на скорости на такую высоту, что у меня кружится голова, с меня позорно течет. Если бы не эти дерьмовые обезьяны, уродующие дерево, я бы мог еще сохранить остатки достоинства. Я умоляю опустить меня и отвязать, – напрасно, дети ставят всевозможные условия, одно неприемлемее другого (чтобы я голый танцевал на деревенской площади, чтобы я ел их экскременты, чтобы я целый час оставался со связанными за

спиной руками, с тремя скорпионами в плавках). Но, так как мои мольбы прекратились и дети решили, что черные плавники слишком быстро исчезли (плотоядным не хватало опьянения вкусом крови), злой ребенок прикрепил к концу своей тросточки небольшую иглу, которой на этот раз начал в разных местах колоть мои ступни, чтобы кровь закапала в воду. Но, когда акулы и в самом деле приплыли, пуская в танце красные вихри, в последний момент маленькие кретины освободили меня. Подтрунивающий надо мной взрослый подошел спросить, указывая на очаровательного ребенка, словно желая связать это с пыткой: «Какой же секрет ты ему открыл, чтобы он стал вдруг таким мрачным?»

Пятница, 26 марта

Провел вторую половину дня в поисках словаря сабирского языка (ибо я поклялся научить ребенка на нем говорить). Сначала меня отправляют из одного книжного магазина в другой, а после к специалисту по арабским языкам, Адриану Мэзоннёву, в дом 11 на улице Сен-Сюльпис. Хаотичный капернаум невероятных размеров из пожелтевших бумаг, сваленные в кучу обвязанные веревкой пыльные реестры, вековые счета, старые марки, большие, как бабочки, с колониальными гербами. Сам торговец книгами сидит надо всем этим в небольшом ялике под стеклянной крышей, которая едва освещает книжную лавку. Продавщица должна отойти от клиента к книготорговцу, подняться по лесенке и выдохнуть свою просьбу в акустическую трубку. Старый торговец отказывается лично общаться с клиентами, он их не замечает. Я в восторге, когда моя просьба заставляет

его взрывать злобным смехом: «Сабирского языка? Но, бедненький ты мой, сабир – это не язык, ты должен понимать, что кошку следует называть кошкой, а тарабарщину – тарабарщиной...» Таким образом, я разыскиваю, чтобы научить ему ребенка, язык, который не указан ни в одном библиотечном каталоге и у которого даже нет собственного словаря, который, может быть, не язык, а лишь безграмотная помесь всякой белиберды и салам алейкумов.

31

Вторник, 6 апреля

Мы заходили к обувщику, делающему сандалии, чтобы он выкроил из импалы самые мягкие подошвы для ног красивейшего ребенка, и чтобы подобрать ремешок, который удобно закрепит их на лодыжках; мы остановились на коже маленькой змейки, чьи глаза заменены двумя зерновидными камушками, но это был напрасный труд, ребенок ходил в новых сандалиях не более часа, потом он их снял и швырнул отряду нищих детей, сразу их сцапавших (по вечерам мы проверяли вечно перепачканные в земле ступни детей, мы соскребали корку, чтобы проверить, нет ли под ней ран). Потом мы зашли к бандажисту, чтобы перевязать затылок самого гадкого ребенка, из которого мы вытащили жало (длительное пребывание в земле не принесло ему ничего хорошего). Потом, прикрывая рты тюлем, процеживающим уличную охровую пыль, мы шли, сторонясь фанатиков, бродяг, мужчин в платьях, звездопоклонников, небожителей, хотевших продать нам пророчества, глиняные карты, звездные системы, усеянные по синему кобальту золотисто-желтыми точками, огненные камни; они дергали нас за руки и в ужасе

отталкивали их, взглянув на ладони, под солнцем, стоящим в зените, наши ладони были зеркалами, отражающими величайшие потрясения, сокрушающие целые селения метеоры. Мы пересекли медину, чтобы скрыться от солнца и вернуться к нашим гамакам, к прохладной струе воды турецкого бассейна. Чтобы опередить сиесту, у человека в тюрбане были заготовлены влажные головные повязки с цветами апельсиновых деревьев, и на серебряном блюде лежали шарики из крупы, намоченные розовой водой, они немного пресные, но чудесным образом нас расслабляют, сразу же погружают в дрему. Человека в тюрбане больше не было, он посыпал тальком наши бабуши, потом исчез, может быть, он притаился в тени, положив руку на серебряный кинжал, разжигая огонь, чтобы отогнать диких животных (полотно шатра, защищающего нас от пустыни, слишком тонкое). Единственное, что его выдавало, это блеск более белых глаз или же слеза его единственной серьги из слоновой кости. Дети разделись и бросились в гамаки, закрутив их, завертев так, что стали лишь длинными веретенами смеющейся и содрогающейся плоти. Тогда пришел песочный человек, чтобы взять их, и я встал между ним и избранным мною ребенком. Некрасивый ребенок с белым затылком, забинтованным льном, был уже почти без сознания, но прошептал в начале своей лихорадки несколько бессвязных слов. Склонившись над ним, и тихо, сколь это было возможно (я не хотел, чтобы меня слышали за ширмой), я ему говорю: «Ты самый красивый ребенок земли», и он мне отвечает: «А ты самый красивый взрослый земли и грязи». Я уснул под ним, и его круглый живот стал моим волшебным покрывалом.

Среда, 7 апреля

В болезни ребенка наступила короткая передышка, мы даже думали, что лихорадка его оставила, опухоль на затылке чуть спала. Жара стояла еще слишком сильная, чтобы выходить из-под шатра, мы были пресыщены, человек в тюрбане больше не отзывался на зов, полотно, защищавшее нас от пустыни, оказалось зашитым снаружи, струя воды в бассейне не бежала. Но мы не боялись. Двое детей вычесывали друг у друга вшей. Я рисовал остатки еды, все эти хрупкие кости морских птиц. Взрослый писал письмо. Человек в тюрбане оставил на ковре бокалы с чистой водой, рядом куча смятого белья, окрашенного в полупрозрачный пурпур. Сидевшие на корточках дети поднялись, они рассматривали с пинцетом и лупой лобковых вшей и, еще вертящихся, раздирали их на части, топили во флаконах наших духов; мы подхватили эту заразу от сахарских лисиц. Вентиляторы уже не мешали нашему разговору; чтобы заменить батарейки, нам нужно было бросить белье в воду, оно расправлялось на поверхности, мы вытаскивали его в тот момент, когда, набрав слишком много воды, оно начинало тонуть, казалось, что солнце снаружи подожгло полог, хотя его и обрызгивал невольник, солнце облизывало его, покрывало все его части, искало во всех направлениях, во всех швах, как его одолеть, какую-нибудь прорезь, через которую оно могло проникнуть внутрь и настичь нас смертоносным лучом. Большое фисташковое дерево, защищавшее нас от него, ночью было повалено ураганом, как сказал человек в тюрбане, хотя мы вообще не слышали ветра, и, вероятно, можно было различить характерный след стали на древесных кольцах ствола,

нам не пришло в голову посмотреть. Голый прелестный ребенок растянулся во весь рост. Взрослый взял последнее остававшееся у него белое белье и обернул, намочив, вокруг тела ребенка, но его кожа была такая горячая, что от прохладного белья пошел пар, оно сморщивалось, облегая ягодицы и ляжки ребенка, пар уже растворился в воздухе, когда ребенок испустил довольный вздох, один из этих вздохов неудержимого возбуждения, которые иногда будят и мучают меня по ночам. Взрослый подошел ко мне ближе; показывая на детей, находившихся неподалеку, он прошептал: «Я боюсь, что им скучно». Он предложил игру, но детские игры, всегда одни и те же, нас утомляли, диатоло, бирюльки, дротики. Рогатка могла порвать верх шатра. Нужно было придумать новую игру. Прелестный ребенок предложил играть в черного лиса, но мы не могли поднять каучуковый пол, который скрывали ковры, он был специально выстелен, чтобы препятствовать ночным вторжениям змей. Некрасивый ребенок предложил играть в обрезанный язык, но человек в тюрбане унес свою саблю. Я предложил играть в щекоталки, все обрадовались, но надо было установить очень четкие правила, чтобы игра не перешла во что-то еще. Обожаемый ребенок был сразу назначен первым для испытания: мы собрали остатки повязок, данных бандажистом, и сплели из них путы, главное, чтобы кисти его рук, ноги и промежность оставались открытыми, проще всего было привязать его к единственной в нашем лагере кровати, но какой-то шутник измазал ее перцем, и хмурый ребенок, который, вероятно, и был этим шутником, предложил, сложив ширму, сделать из нее тотем. Промежность и подмышки были доступны, но не ступни; чтобы до них добраться, нужно было немного

приподнять ребенка более прочными путами и подпереть низ ширмы ступкой для пряностей. Так как мы больше не могли выходить из шатра, нужно было придумать инструменты: тросточка, уцелевшая после урока плавания, уже сыграла свою роль, мы решили собрать несколько пальмовых веток, покрывавших ковром маленький алтарь обожания, который возвел в своем закоулке человек в тюрбане, мы очистили и заточили их перочинными ножами. Хохотун был готов к пытке, но, как только пальмовые ветки приблизились к его деликатным местам, онемел, спрятав от нас притворством мельчайшие содрогания. Это было обескураживающе: невзрачный ребенок пошел искать большой освежитель наших сиест, защитника от солнечных ударов, механический веер из перьев. Но ничего не получалось, тело ребенка оставалось бесстрастно, было заметно лишь его равномерное дыхание, единственным волнением в неподвижности и тишине, которое можно было различить, было биение его синеватого пульса, стучавшего в венах. Наконец мы услышали потрескивающий шум толстого каната, разрезанного ножницами: человек в тюрбане вернулся с охоты, эбеновое дерево его мускулов в этот раз сверкало, пот впитал пыль, на порог бивуака он сложил выпотрошенных марсупилами* . Перед торжествующим ребенком, королем хихикающих притворщиков, мы все втроем рассказываем славному душегубу, словно Сфинксу, о нашей проблеме, которую он решает с помощью животного уравнения. Идеальным партнером оказывается тапир: длинным розовым

* Марсупилами – герой мультфильмов, вымышленное существо, напоминающее мартышку и ягуара одновременно.

языком, разматывающимся, словно серпантин, он сумел бы побороть суровость ребенка. Но среди кустов и высоких деревьев пустыни сложно поймать тапира.

36

Джонка пришвартовалась к ночи, выйдя из безмятежных волн под луной, притянутая за якоря к мокрому песку мужчинами, которые шли в воде, тянули веревки, веревки давили на плечи этих мужчин с синей кожей, мужчины перемешивали ногами ускользавших осьминогов, мужчины были оплетены снастями, днем эти мужчины спали. Они безмолвно табанили судно, чтобы оно развернулось, открывая, будто ворота, проход к неприветливой бесконечности. Мы легли рано, чтобы уплыть на рассвете. Запасы продовольствия были сложены на полу под шатром: куски мяса в холодильных сумках, птица, пропитанная жирами, очищенные и засоленные фрукты, плитки с какао, мотки шерсти. Мы видели сны. Ребенок в лихорадке уснул и более не стонал, в передышке ровное море несколько мгновений заполняло его живот, голову, вены. За дюнами по песчаному берегу бежали шакалы, пока им не попадались кости, непонятные, прячущиеся звери с крапчатой шерстью одни за другими случались, цепляясь друг другу в бока когтями. Я шел по залу ожидания вокзала в Нью-Йорке, глядя на большие часы. Меня разбудила нежная струя человека в тюрбане, склонившегося надо мной, чего он обычно не делал, он набрал в рот свежей воды, смешанной с толченой киноварью, и сквозь сжатые губы брызгал мне ею в лицо, на вокзале в Нью-Йорке пошел дождь, стеклянный потолок проломился, в дыре показалось лицо очень красивого негра-исполина. Сначала

мы оставили детей спать, чтобы спокойно заниматься делами; нужно было наполнить несколько склянок бальзамами, принесенными колдуном и рассеивающими лихорадку, бальзамы пачкают руки, их нужно потом мыть, а мощная и кудрявая, чрезвычайно черная шерсть на лобке невольника, в которой мы их привыкли сушить, оказалась уже вымазанной женскими соками, мы опоздали. Ковры были сложены и убраны в дорожный сундук, человек в тюрбане добавил к ним вещи со своего разобранного алтаря, распятие и темнокожую Деву, освященную ветвь оливы, осыпавшуюся с каждым новым движением. Обласканный при пробуждении ребенок, зараженный лихорадкой, словно нервничал и печалился, я взял его на плечи, и мне показалось, что позвоночник больше не может его держать, его разваливающееся тело висело надо мной со всех сторон, на плечах, со спины, его маленькие ручки почти душили меня, цепляясь за шею; я должен был его снять и положить на носилки, которые мы приготовили заранее, на помощь пришли несколько мужчин. Хорошенький ребенок, порхая вокруг, демонстрировал тревожную радость, он щебетал, мы отправили его на море помогать погрузке, белый парус фелюги сверкал в синеватой гуще завершавшейся ночи, ни один порыв ветра не заставлял его даже вздрогнуть, но по краям сидели мужчины, дабы ускорить наше отплытие. Если ветер не поднимется, вначале нам понадобятся гребцы, которые потом вернутся брассом, крича в воде, чтобы устрашать акул. Взрослый заканчивал бриться, сопровождающий начал вьючить наши дорожные сундуки на горбы верблюдов, привязанных к краю шатра, заставив их опуститься на землю. Вдоль дюн до фелюги мы оставляли множество безумных следов

маленьких ног и копыт. Они так перепутались, что озадачили бы любого толкователя. Мужчины уже разобрали шатер, который может послужить нам тенистым укрытием на корабле. Нужно было еще погрузить соль, желатин, красители, бромид и камедь, фотографическую камеру с покрывалом и сложенным треножником, ящички с пряниками и мармеладом; вместе с проводником, рулевым и мачтовым все это заметно утяжелит корпус, который, качаясь, осядет. Нужно было отплывать, проглянувшая розовая половина солнца это приказывала, позднее ветер будет нежелателен, он приведет нас в концентрические потоки высоких температур. Ведомая мужчинами, которые скрывались среди серебряных рыб-полумесяцев, барка медленно скользила и теряла опору, киль был достаточно легким. От нашего лагеря на поляне не осталось ничего, кроме утоптанного темного квадрата и затухающего огня. За ландами слышались заклинания колдунов, заставляющие песчаных ласок нестись прочь. Прелестный ребенок сразу же принес рыболовный крючок, похожий на маленький ранящий якорь, и личинку, свернувшуюся в фисташковом зернышке. Поднялся ветер, принялся раскачивать мачту; пловцы нас покидают. Ребенок размотал веревку, оказавшуюся всего лишь скрученными кишками черепахи, и смотрел, как та падает в прозрачную воду. Мы уже защитили себя от солнца, натерев кожу везде, где ее не могло закрыть влажное белье, маслом и солью. Но ребенок, больной лихорадкой, лежал на носилках в убежище, под навесом. Мы сменяли друг друга, чтобы рассказывать ему истории, но видели по глазам, что он их не слышал. Мы дали ему подозрную трубу и, лежа на боку, он видел в небе летающих верблюдиц; опуская трубу к уровню горизонта, он описывал нам пирамиды, похожие

на раскаленные докрасна треугольники. Лихорадка усилилась, и мы напрасно старались влить меж его губ снадобья из склянок колдуна, она не ослабевала, тело все больше скрючивалось, ногти впивались в покрывало. Нужно было возвращаться. Путешествие вышло коротким. Тогда очаровательный ребенок нахмурился: мы не встретили ни одного корсара, мы не могли проползти по подземному пиратскому ходу до маяка, чей погасший луч заставляет корабли разбиваться, мы не могли вытаскивать золото потонувших кораблей нашей сетью для креветок. Мы не заметили ни одной сирены и ни одного дельфина, ни лапчатонного человека, спасшегося с Атлантиды. Взрослый не мог сделать ни одной фотографии, и однообразие ветра мешало нам поднять фок, штормовые стеньги и крьюселя. Не было времени даже, чтобы просто открыть люк трюма.

Понедельник, 29 марта

Ужинал сегодня один с Б. (дети вдвоем ушли) и беседовал о поездке: вырисовывается главный пункт назначения, отели с плюшем и телевизорами. Мы приедем в Агадир с началом ночи, и окажется, что нет ни одного свободного номера. К счастью, нас будет ждать взятая напрокат машина, непредвиденные расходы покроет кредитная карта. Я признаюсь Б., что веду этот многообещающий дневник, и сразу же пугаюсь, заставляю его поклясться, что детям он ничего не скажет. Один из них спросил меня, позволю ли я им заниматься глупостями. Если учесть, что представляют собой купальни Агадира, вырисовывается что-то совсем нехорошее: детские шалости.

(Из кубка, напоминающего рог, девственный ребенок, позвякивая, высыпает игральные кости. Из рожка слоновьего бивня порочный ребенок заставляет течь по губам семя. Целомудренный ребенок хлещет юлу. Ребенок, лишенный девственности, покрывает лаком сухожилия быка. Чтобы защитить лицо малыша от старения, взрослый прикладывает к нему каждый вечер тампоны с крестильной водой, застаивающейся в сосуде).

40

Б. говорит, что нашел (это из тех вещей, которых я более всего опасюсь) в моих книгах одну из записок, набросанных в спешке, на клочке бумаги, в автобусе или на улице, предназначавшуюся для моего дневника, и именно эта запись, говорит он мне, побудила его меня пригласить. Он должен напомнить мне о природе слов, ибо я совсем о ней позабыл: «такое впечатление, что ты все больше отдаляешься от людей, хотя целью любого творчества, наоборот, должно быть желание приблизиться к ним».

Вторник, 30 марта

Я в первый раз сочиняю фавулу, не описывая какое-то недавнее событие, новое чувство. И также в первый раз пишу вдали от Т., без его ведома, почти тайком, не отчитываясь ему, текст, который ему не посвящен. Я избегаю правил письма, которые установил он, так как в некоторой степени именно он определял мою речь, с помощью этих периодов отказа, ухода и последующего пленения, словно она – пламя, которое можно то притушить, то разжечь, по своему желанию. До сих пор я писал о его обманах, воспламенявших его, его посто-

янствах, ввергавших его в тревожные ожидания. Но, так как сегодня вечером я чувствую потребность впустить его в это самовольное письмо, все, что, вероятно, остается – это персонаж, бывший у самых истоков, позиция, прицел, чувство меры.

Четверг, 8 апреля

Из-под навеса убрали животных, убрали оленят, обезьян, колибри, опасаясь, как бы шерсть или перья не усилили нагноение. Лагерь был вновь возведен за несколько часов, мы защитили бредящего ребенка большим зонтом из прохладного шелка, поднявшийся ветер трепал хлопчатые крепления. Из деревни к нам отрядами приходили люди с подношениями, складывали идолов у наших ног, совещались, раскрывали кувшины с кровью дракона. Явились войска хоров, бальзамировщиков, играющих на тарелках музыкантов, трясунов, чокнутых, туберкулезников, крематоров, распутников, могильщиков, мужчин в юбках, альбиносов, возликовавших, плакальщиц и тех, кому нет названия. Колдун заставил их замолчать, он посмотрел на лежащего ребенка и поднял руки, указывая на эспланаду песка, замершую в небе, в котором кружились птицы, он проговорил: «Мы должны понять все эти знаки, которые окружают нас, давят на нас, ослепляют нас, выходя из песка, будто роющие землю животные, предвещая, паря вслед над нашими головами...», но целитель отстранил его, он приподнял винного цвета веко ребенка и развернул снова намокшую повязку, чтобы посмотреть рану, он сказал: «Все, что ему нужно, это арника, известковое молоко, банки, припарки, а ваши увещевания устарели». Колдун плюнул ему в

лицо, в свою очередь проверил маленький желтоватый кратер на затылке ребенка, видимый, если поднять волосы, и сказал: «Его укусил мертвец, он был неосторожен и ради прохлады похоронил себя заживо, и тогда древний предок, злой дух, захотел сжать его в объятиях, пусть свяжут целителя и пусть музыканты и трясуны начнут играть, а хоры прольют всю слюну, пусть бальзамировщики перестанут дышать, а крематоры опустятся на колени, пусть чокнутые заскучают, альбиносы трут напильниками белесые пятна на своей коже, чтобы сделать из нее пудру, пусть могильщики остановят солнце, а туберкулезники вытащат слизняков из сердца, пусть распутники стащат с себя исподнее, а носящие юбки взбесятся, пусть безымянные найдут себе имя. Нужно, чтобы душа укусившего его мертвеца, которая не может найти выхода ни через писью, ни через горло, в котором мешает ей язычок, ни через слишком узкий зад, ни через слишком грязную рану, ни из сладковатых ушей, могла снова вздохнуть, дайте мне ваш ланцет, и пусть душа эта глотнет воздух через его пах. Но перед этим прочтем предзнаменования, а ты, милый ребенок, одолжи мне свою летающую мишень, и пустим ее в полет, чтобы она показала нам пути птиц, мы увидим, не заденет ли этот бумеранг крыло одной из них или же спугнет стаю». Но било исчезло в небе и не вернулась. «Тогда, – проговорил колдун, мы разорвем медузу, размажем ее чернила по мрамору, добавим чертополоха и тошнотворную валериану и вотрем все это в рану». Но как только пальцы колдуна дотронулись до бледного ребенка, тот потерял сознание. «Тогда, – сказал колдун, поворачиваясь к очаровательному ребенку, – только ты можешь его спасти, ибо все предвестия плохи, а вы, могильщики, бегите

прочь, и пусть отрубят руки игрокам в тарелки и ноги трясунам, и выпустят из клетки великого хитреца, и пусть обовьют им голое тело обожаемого дитя, ты должен танцевать, ты должен его побороть, ты должен подарить свой страх твоему другу, лишь эта лепта может его спасти».

Среда, 31 марта

43

(Я в первый раз уезжал, не предчувствуя смерть: я был уверен, что вернусь, и, может быть, именно эта уверенность и выпотрошит мне кишки).

Пятница, 9 апреля (день распятия)

Наг о двух головах, охраняемый в клети из слоновой кости для самых великих церемоний, свернувшийся клубком, сонный, был вынут, его держали в полотнище, с него еще не сняли двойного намордника, и между тонкими шнурами из кожи, которые удерживали его на привязи, виделось четыре прикрытых зрачка, четыре рога цвета песка, поднимавшиеся на его головах. Ребенок раздевался: шелк и хлопок спали с него, осталась лишь одна белая плоть, нежно округлая ниже поясницы, прелестные ноги, расширяющиеся в икрах, я видел его только со спины. Шнурки намордников развязали, тампон, налитый кровью буйвола, должен был разбудить и одурманить зверя, чтобы он размотался и встал на дыбы. Игроки на тарелках, сидевшие на корточках в тени, придерживали свои руки, а возликовавшие, чтобы возбудить зверя, собрались махать, будто решетками, скелетами маленьких птичек. Ре-

бенок, принесенный в дар, оставался стоять, но страх заставил его прикрыть одной рукой глаза, другой он удерживал член, странная реакция которого также была вызвана страхом. Зверь быстро встал на дыбы, вся сверкающая свернутая в клубок масса расплелась с долгим и мрачным шипением, и появились две поднятые, угрожающие, враждебные головы; витальный рефлекс, как только они проснулись, толкал их пожрать друг друга, но скручивание единого позвоночника, соединяющего их в едином сердце, помешало, и, опустошенные, они пали, будто с жалобой глухого бешенства, в этот момент они начали атаковать, снова поднялись, чтобы найти себе пищу, их хвост хлестал воздух, чешуйки сетчатой кожи, перекрываясь, перемешивали два цвета так, словно текли реки вулканического стекла, в которых сверкали пурпурные блески, словно движущиеся навстречу разодранные тела. Бросившись всем весом на ребенка, зверь был столь тяжел на его плечах, что заставил его согнуться; повалившись на землю, ребенок пал на колени. Вначале зверь не кусал, силой своих объятий он должен был любовно, полностью задушить свою жертву, прежде чем ее поглотить. И в это время, отмеряемое сжатием змеиных колец, ребенок должен был своим очарованием уничтожить зверя. Но так как это упражнение было внове для ребенка, поодаль с мечами наготове держались двое стражей-нубийцев, готовые броситься вперед, они должны были изрубить живого зверя в определенных местах, чтобы дать ребенку вдохнуть, и ловкими пальцами выдрать ядовитые железы из двух разверстых пастей, но было бы жаль приносить в жертву зверя, такое отродье столь драгоценно, лучше бы великолепие ребенка его ослепило, более высокой ценой

искупило его голод и ярость, и спасло жизнь обоим. В этот момент, все еще раздавленный ношей, ребенок пытался вновь подняться на хрупких ногах, несколькими кольцами зверь его уже почти совсем сжал, дважды обернулся вокруг его живота и, пройдя между ягодиц, обвивал одну ногу и поливал другую каплями своих испражнений, он стягивал его плечи и пока еще мягко опутывал шею, он украшал собой его голову, две змеиные морды раскачивались в воздухе, смотря на него; ребенок, ослепленный четырьмя глазами, попробовал, поднявшись, ухватить шею змеи, он потянулся, и зверь лениво дал себя обмануть, после того, как ребенку удалось поднять ношу, он напевал слова, схожие с народным плачем, которого мы не знали, он размахивал головой нага, словно добычей, и вся холодная и шелковистая громада змеи разжала объятие, ребенок повернулся, чтобы показать нам ее побежденной, освободился от ее груза, казалось, что он стал колоссом, или что змея была уже пустой оболочкой. Ребенок дважды обернулся вокруг себя, мед с крупинками тебаина*, который ему дали выпить, немного притупил его чувства, он поднял ногу и перекинул двойную голову из руки в другую, его напев стал песней, мы различили варварские созвучия, придуманные ребенком, чей голос должен был покорить губительную волю монстра. Мало-помалу с каждой нотой, с каждым выдохом ребенка зверь обосновывался на его теле, становился более плавным, более жарким, он скользил, касался его, касался языком его живота, впадины меж ягодиц. Изумленный ребенок танцевал, обозначая в пространстве кбалистические знаки, уравнения, которые колдун

* Тебаин или параморфин – опиумный алкалоид.

постепенно решал. Тогда мы увидели, как фонтан ребенка приходит в движение и выплевывает на его живот три-четыре молочные струи, но первая детская сперма сводила двухголового нага с ума; два года назад, когда одного набоба представляли ко двору, изголодавшийся зверь укусил ребенка в шею и пах и тут же задушил своими кольцами. Как только охранники-нубийцы увидели брызжащее семя, прежде чем им приказали, и прежде чем еще нежный зверь его учуял, оба достали из ножен сабли, прямо на ребенке обезглавили зверя и следом изрезали его ревнивые и алчные объятия вокруг ног, вокруг живота, это был следующий танец, который танцевали уже нубийцы в ногах ребенка, пока на него хлестала синяя ледяная кровь, сливаясь с его теплым семенем. Колдун запричитал и, потребовав оплату, покинул шатер. Но вечером лихорадка все еще не была изгнана из тела ребенка. Думая, как утверждал целитель, что ночью ребенок умрет, мы сменяли друг друга у его изголовья. Но часовой на рассвете уснул, и, по случайности или нет, последним караульным оказался человек в тюрбане. Утром мы нашли ложе пустым, ребенок исчез; был ли он жив или мертв, украли ли его у нас? Мы все двинулись к пустыне, выкрикивая его имя.

Суббота, 10 апреля

На заре больного ребенка разбудил чей-то голос: он разлепил один глаз и увидел черное лицо раба, качающегося во сне, уткнувшись в грудь подбородком, может быть, спящий и мог говорить, но это был не он; меж тем голос продолжал настаивать, и печальный ребенок не мог сказать,

был то мужской, женский или детский голос, он исходил скорее от какого-то музыкального инструмента, но временами произносил вполне понятные слова. Ребенок поднял голову, его взгляд уперся в темный свод шашито, ничье присутствие не выдавало себя, но голос продолжал его окружать. Потом он заметил, что голос начал от него удаляться, но приглашал идти за собой, идти за собой, в пустыню. Он поднялся, позабыв надеть что-то еще, на нем была только промокшая от потов рубашка, ставшая к утру почти картонной, и едва натянутые трусы, ноги были голыми. Когда он выбрался из шатра и вышел с уже слегка озябшими ступнями на простор песчаной поляны, он подумал, что вся эта материя, которая его окружала и по которой он шел, была снегом, и удивился, что она больше не жжет ноги. Он прошел дюны, голос исчез, но ребенок ориентировался, следуя за наполовину схороненным розовым диском солнца. Он шел долго, снимая неприятные повязки, полные гноя, приклеившиеся к затылку, чтобы защитить рану. У него была непокрытая голова, и, так как солнце било все сильнее, он связал их вместе, сделав тюрбан, солнце попадало на его кожу даже сквозь лен, и те части, которые не были укрыты, уже сгорели, он творил из них траурную одежду, он чувствовал их на себе, словно лохмотья при линьке. Он шел очень долго, столько, что чуть не падал в обморок, сгибаясь в песке. Он никого не встречал, но не сомневался, что голос вернется, мимо не проходило ни одного каравана, бедуины, работая ночью, днем спали, золотые лисицы попрятались. Ноги, словно внезапно окутанные божественной оболочкой, хранили его от ожогов и природных ловушек, вырытых в песке, которые движутся, походя на могилы, его маленькие ноги

обходили колючки, его мертвенно-бледные ноги отгоняли аспидов и скорпионов. Он шел до тех пор, пока ноги не подкосились в песке; он оказался в центре огромного пространства, окруженного далекими скалами цвета огня, колючие растения, которыми колдун натирал его рану, намочив их в чернилах медузы, местами пронзали песок, ему хотелось пить, короста лихорадки прилипла к его губам, и язык во рту совсем не двигался. Внезапно его охладил шум крыльев, хотя скорее это был грохот, и неистовый ветер божественного веера: вдали, на горизонте к нему летел ангел, за ним тянулся извилистый шлейф пояса, который переливался всеми цветами от сиреневого до алого, витой ленты, сплетенной словно из множества вен. Ангел приземлился перед ним в большом вихре, но укротил пыль, приказав ей улечься, и пыль стлалась, уплотняясь, сколько могла, ребенок распростерся ниц, он не бывал в церквях, не знал о существовании ангелов и назвал этого вертолетом из костей и плоти. Ангел обнял ребенка, чтобы спасти от песчаного жала, и, вырвав его у силы притяжения, он сдул с него лихорадку, приложил свои непорочные детские персты к маленькому гнойному кратеру, вырытому на затылке падшего ребенка, и сказал: «Не встречайся более с мертвецами».

Когда мы нашли ребенка на исходе целого дня ходьбы, наступила ночь, он лежал в обмороке на песке цвета слюды, его тело, оставленное лихорадкой, было покрыто уже созревшим, цвета свернувшейся крови телом девочки, которая сразу же убежала.

Когда мы принесли его в лагерь, ребенок ничего больше не помнил. Прежде чем лечь, он играл, снимая, счищая с себя всю сгоревшую кожу, чтобы положить ее мне в рот, он сказал, смеясь: «Это должно доставить тебе удовольствие, правда?»

Пятница, 2 апреля

Конец дневника, написанного до срока. Завтра отъезд. У меня больше нет желания уезжать. Последний ужин с Т., он говорит мне, что все это предприятие уже запыхтелось, оно словно набитое соломой чучело. Он жалеет, что наши с ним путешествия проходят плохо, и что я не выступил против него смело, а придумал такую уловку, чтобы от него удалиться.

49

Из-за того, что я две недели работал только для самого себя, не написал ни одной статьи, оказывается, мой счет почти пуст; моя работа почти завершена, и вот новый страх: страх нужды в реальности, который точно так же связан с нуждой в деньгах. Две недели я прожил, полностью позабыв о них, расточительным образом, и вот смотрю на корешок моей чековой книжки и догадываюсь, что после путешествия у меня почти не останется денег на жизнь. Нехватка реальности (статьи представляют собой принципиальную форму реальности, потому что они – единственное, что подтверждается деньгами) – угроза рассудку. И я боюсь дальше погружаться в письмо, словно в безумие, в нищету.

Суббота, 3 апреля

50 Последние записи перед отъездом. Лихорадка дурных предчувствий. В книжном магазине карты Марокко закончились, типографские работники не хотят больше импровизировать из-за неустойчивости границ; война заставляет границы двигаться, и пустыня отдаляется, карты устарели. Книги ветеранов, «Кубла Хан» Сэмюэля Тейлора Кольриджа, «Лалла Рук» Томаса Мура, «Эотен» Кинглейка, давно раскуплены (тщеславный вопрос: ждет ли меня та же участь, что и моих предшественников?). П. по телефону указывает мне возможные маршруты: дорога к юго-востоку от Агадира до Тафраута, потом небольшая долина Амельн, деревни которой держатся на краях гор; дорога из Урзазата до Загоры, двадцать километров по тропе до верблюжьих рынков; или еще дорога от Марракеша до Таруданта, отель «Золотая газель», в саду которого живет белый слон. Но я уже знаю, что, когда мы войдем в сад «Золотой газели», белого слона там не будет, он давно исчах...

«У этих событий есть декорации: некие пейзажи, некие движения посреди пейзажа, по которому я иду, или бегу, или иногда летаю. Я представляю, как выхожу из комнаты в сумерки, я должен пройти расстояние, отделяющее меня от нашего семейного дома или от места, где буду ужинать. Я выхожу всегда оттуда, где был защищен, и устремляюсь к чему-то иному. Я перехожу из очень личного, интимного пространства в пространство общее. В это время меня охватывает, заполняет со всех сторон пейзаж, и я вдруг ощущаю сумерки, порывы ветра.

С какого-то момента ты не можешь сохранять тесную связь с детством, не став эгоистом. Спастись от остановки во времени, от полного замыкания на себе, оцепенения интересов, может одно безумие; безумие не разрушающее, безумие не низменности, а возвышенности; вместо концентрации – экстраполяция. Как если бы в условленный час нужно было бы искать детство не позади, а впереди себя».

*Беседа с Бернаром Фоконом
(«Монд» от 14 января 1981 г.)*

Суббота, 3 апреля.

Такси: я в одиночестве. Предпочел присоединиться к ним в аэропорту. Но у меня уже плохое предчувствие: нужно будет побороться, дабы не впасть в уныние. Шофер предсказывает мне грабежи и превозносит красоту арабских женщин.

Аэропорт: приехал раньше. Плечо начинает болеть из-за сумки, тактики совращения заставили меня набить ее доверху, боюсь, что она порвется. Толпа, на полу мусор: забастовка уборщиков, школьные каникулы, массовые отъезды. Чтоб избежать ужасов, нужно сосредоточиться.

Телефонные кабины: попытка. Я не мог поговорить с Т. до отъезда, и мне вдруг хочется ему позвонить, чтобы сказать несколько глупых слов любви, так как мы никогда не позволяем себе говорить об этом. Но у меня нет мелочи: я опускаю пять франков в аппарат, Т. нет дома, мне не удается забрать монету, я раню руку.

Истерическая жара.

Я встречаю Б. и детей в вестибюле. Дети грызут чипсы, я замечаю, что их одежда вся в пятнах. Дети обнимают меня: неожиданное, бесконечное

счастье от поцелуя. Я учусь не смотреть на них, не останавливать на них ни единого взгляда, но я удивляюсь таинственности губ прелестного ребенка, они действительно ярко-алые. Дети держат длинный сверток красного цвета, перевязанный на конце: они говорят мне, что это четыре бумажных змея, мы будем устраивать состязания. Я сразу же вижу в небе расплавленных драконов, летучие корабли и летающих рыб.

55

Дети прожорливы и расточительны: они едят бисквиты, собираются купить себе блоки сигарет, они вертят свистками, подвешенными на веревочках, которыми болтают в воздухе. Когда они надуют пластиковый пакет, чтобы он разорвался, я стараюсь не показывать своего страха. Но после ожидания и, словно нарочно, чтобы усилить мой страх, они его не взрывают (я снова мальчик, которого считали трусом).

Во время паспортного контроля дети смеются над опасениями взрослого и подтрунивают над полицейским. Взрослый явно закрывает одним пальцем дату своего рождения в раскрытом паспорте. В очереди какой-то мальчик целует свою старую мать в губы, и я спрашиваю у Б.: «Ты когда-нибудь целовал мать в губы?» Как и я, он отвечает нет.

Дети знают имена всех, в честь кого называют самолеты, Б. спрашивает: «Вы уже летали на самолете?» И дети с презрением перечисляют все свои поездки. «А вы уже летали на тех самолетах, которые падают?» – спрашивает Б.

На эскалаторе некрасивый ребенок говорит мне: «Я в первый раз покупаю блок сигарет», и я говорю: «А я еще никогда в жизни не купил цело-

го блока». Взрослый вытащил из кармана деньги, чтобы оплатить блоки.

56

В зале ожидания, уставший от разговоров, я наконец достаю блокнот, и рядом со мной садится мужчина, чтобы читать поверх моего плеча, может быть, это полицейский в гражданском, агент полиции нравов. У моего почерка большой недостаток: он слишком разборчив. Нужно сделать его неразборчивым, насколько это возможно. Я уже знаю, что дети попытаются украсть у меня блокнот, чтобы его прочесть. Следует научиться писать неразборчивые слова в таких случаях.

Взрослый говорит, словно могиканин; заканчивая сигарету, он произносит: «бросаю курить». Дети курят, как щеголи. Они пожирают иллюстрированные журналы, переругиваются, вытаскивают гигиенические пакеты и спасательные жилеты, грозят обкакаться. Но очень быстро я начинаю обращать больше внимания на жесты взрослых вокруг меня, нежели на движения детей: мужчина, стоящий в зале посадки, не снимая перчаток, беспрерывно маниакально причесывается. Я говорю Б.: «какое должно быть счастье уметь причесываться на публике, но каким же при этом нужно быть легкомысленным, чтобы показывать такой лоб». Мужчина замечает, что я его разглядываю, и говорит мне о своей расческе: «Эта сволочь дерет мне волосы».

Еще я думаю, что взрослый красивее детей: красота Б. – подлинная, у него голубые глаза, черные волосы, исхудавшее лицо, мы не хотим друг друга, ибо дети рядом с нами, словно вентиляторы всех

желаний, но я могу догадаться по его взгляду, что и он находит меня красивым, более красивым, чем дети.

Прелестный ребенок заставляет меня открыть рот, чтобы прыснуть туда спрей устойчивой свежести, как сообщает нам этикетка, и я задыхаюсь от струи, из их ртов идет пар.

Взамен милый ребенок просит лосьон от укусов насекомых, у меня его нет (взрослый захватил с собой баллончик от тараканов), я отвечаю ему, что на каждый укус нужно давить ногтем с двух сторон, в виде крестика, но это лишь усугубляет его боль, и он жалуется.

57

Видя, что я пишу, Б. предупреждает меня, что блокнот прежде нашего возвращения украдут, но я буду на нем спать, спрячу его под подушкой, пришью карман к плавкам, чтобы его защитить.

Ребенок собирает горку из мусора: хочет поджечь несгораемые предметы.

Чего только нет в сумке взрослого: он вытаскивает свистульки попугайных расцветок, шутихи, наушники, мыльные пузыри, взрывающиеся сигареты, поддельные спички, коробки с двойным дном, крапленые карты. А взамен, чтобы поразить нас, дети могут использовать наготу, они достают из пропитанных мочой трусов члены.

А у меня в карманах ничего нет. Ребенок просит у меня зеркало, и я протягиваю ему свою ладонь, чтобы в ней отразилось его лицо.

Уродливый ребенок рядом со мной становится очень красивой девочкой: я буду наряжать его в платье с декольте.

(Усталость, но нужно бороться со сном, не закрывать глаз, не терять ни одного мгновения в такой редкой компании).

58 Дети, пьющие ром, делают себе из банкнот верера, презрение к родительским деньгам.

В аэропорту фотографии короля, вереницы верблюдов, пестрые бурнусы. Синие шевроле на остановке, нищие малолетки. Белые дети взвешиваются на багажных весах, пятьдесят восемь килограмм, пятьдесят четыре килограмма, на двенадцать килограмм меньше, чем у меня. Дети танцуют без музыки. Из совершенно черного леса на обочине дороги появляется мужчина; мелькнув в лучах фар, пропадает волк.

Сидя на переднем сидении машины, я ловлю себя на желании сказать детям те же слова, что произносила моя мать на переднем сидении, когда мы с сестрой сидели сзади: «Вам там не душно? Вам удобно?», но я их не повторяю. Милый ребенок икает, и я предлагаю ему каплю уксуса с сахаром. Если же у него заколет в боку, я, как мой отец, сам предложу ребенку расшнуровать ботинки (хребет не треснет).

Рено-12 увозит нас за пределы Агадира к пустыне, мы едем вдоль задымленных рафинадных заводов, сбиваемся с дороги, свет на месте украденного прикуривателя освещает мою руку на непромокаемом плаще. В поисках отеля мы разворачиваемся.

Дети хотят сесть за руль, «здесь, – говорит Б., – человеческая жизнь дешево стоит». Дети подражают арабской речи. Мы пробуем остановиться в разных отелях, нигде нет мест. Как только мы оказываемся в номере, дети открывают окна, выходящие на прозрачные синие бассейны с подсвеченной водой. Они хотят купаться и звонят администрации, ночью запрещено купаться, можно получить лунный удар, который более болезнен, чем солнечный. Дети сразу же раздеваются догола, и я замечаю, что туловище у милого ребенка немного коротковатое и чуть пухлое. Второй ребенок будет спать со мной, наконец рядом. Я закрылся в номере 221, от номера 219 меня отделяет другой номер. Дети оставили окно раскрытым настежь, и занавески слегка развеваются на свежем ветру. Шум мотоциклов. Усталость. На моих часах, всегда немного спешащих, два часа десять минут ночи, здесь ровно полночь.

Воскресенье, 4 апреля

Ночью в темноте, лежа рядом с ним, я говорю ребенку слова, которые утром кажутся досадным сном. Но я не мог не произнести их, они мешали мне уснуть, душили меня. Голос отвечающего ребенка меня успокаивает.

Некрасивый ребенок смотрит в окно: он сообщает о появлении попугая именно в тот момент, когда я его самого назвал ребенком-попугаем, и он говорит мне, что работал в магазине, где продавали попугаев. Позже я слышу грохот воды, когда его тело погружается в воду бассейна, и встаю, чтобы посмотреть, как он плавает, из моей обсер-

ватории; я прячу блокнот и ручку под подоконником и люблюсь его движениями, его прыжками, его баттерфляем, он поднимает голову и замечает меня. Синий попугай привык к железному обручу, его лапки со шпорами связывает веревка, крылья подрезаны, ливрея лакея, принесшего ему семечки, красного цвета, прекрасно поддающегося обозначению. Но теперь надо оставить привычные названия цветов и использовать названия тех вещей, которые их определяют: искать их имена в небе, искать в море, искать в цветах шкур и земли, в свежей траве, в хлопанье флага на крыше отеля.

Дети просыпаются голыми: их хрупкие ноги еще во власти сна, их спины плавно изогнуты, у них подтянутые и крепкие маленькие ягодички, когда они переворачиваются, видны их гладкие лобки, стебельки их членов, они охотно показывают себя, они медлят, перебирая и надевая одежду, они потягиваются. Я закапываю фотоаппарат глубоко в сумке среди вещей, словно закусив в мыслях губу, я удерживаюсь от того, чтобы достать его и воззвать к наготы детей. Я едва на нее смотрю. Так же, как я следую написанному мной плану, препятствующему наслаждению, желание которого успешно дает о себе знать, я принуждаю себя противостоять фотографии, которая, вероятно, тоже является наслаждением.

Иногда я смотрел на спящего ребенка, повернувшегося ко мне или перевернувшегося на живот, разглядывал тонкие линии его лопаток под простыней, его украшенную тонким шнурком руку, и каждый раз положение этой беспомощной руки подчеркивало исключительную грацию, не изнеженность, но неосознанное благород-

ство, волнующую, потрясающую женственность. Определения начинают меняться местами: некрасивый ребенок стяжает высочайшую красоту, а прелестный ребенок одевается в неуклюжесть, (новорожденных детей короля и крестьянина поменяли местами).

Я буду носить обувь на босу ногу, я обожаю это делать. Монотонный шум мячика, отскакивающего от связанной с ним ракетки.

61

На дороге из Тизнита: белые купола, калеки, грабители, драчуны, мачу-пикчи, стены, скрывающие ухоженные эспланады, королевские портики, минареты, закутанные в черное женщины, треплющий полотна ветер, спящие, шелудивые, дрессировщики зверушек, похитители крашенных камней, прачечные, бойни, зубоскальщицы и беззубые, игроки в мяч, облака гонят раскаленную пелену на долины, в городе мужчины плачут в расселинах, совокупляются в стенных дырах. После оазис исчезает в узком морском заливе: устье Нила.

У детей стоит, когда они собирают змеев, стоит в шортах, стоит, пока цепляют свои флажки. Милый ребенок не перестает держать проснувшийся член рукой.

Купальный комплекс Сиди Р`Бат, кафе, ресторан, бунгало. Мы вчетвером спим на чем-то вроде циновок, разложенных в шахматном порядке. Прогнали жесткокрылых, опасаясь их раздавить. Я думал: когда дети будут играть с воздушными змеями, начну их рисовать, взял тетрадь для на-

бросков, но в тот момент, когда дети запустили своего шпиона, я был не в состоянии соединить и двух линий, и воздушные змеи клевали носом.

Невероятный потрясающий гул океана. Тяжелые волны все в пене, таких я никогда в жизни не видел. Взрослый наводит справки, он хочет узнать, не может ли океан унести детей с собою.

62

Понедельник, 5 апреля

Мучительное пробуждение. Постель и одежда влажные, руки пропитаны солью, песок в волосах, в ушах, вокруг глаз. Головная боль из-за выкуренного вечером косяка или сражения в дюнах. Единственная возможность что-нибудь написать – проснуться раньше всех. Дети положили матрасы на пол, ибо у них одно одеяло на двоих. Хрип дыханий, шорох ладони, проскальзывающей под живот. Непрекращающийся грохот океана, стучащее окно. Маленькая занавеска пропускает красноватый свет, я сижу на постели, укутанный, наверное, совсем нелепый, я не снимал вечернюю одежду и башмаки. В животе урчит.

Вчерашняя еда в деревне, около пяти часов ближе к вечеру: растертые с кориандром помидоры, разваренный бычий хвост с капустой, но все это показалось мне наивкуснейшим. Стаканы с чаем доверху заполнены листьями мяты: кажется, пьешь трясину. Мы делаем в деревне покупки на случай, если нам не захочется возвращаться туда вечером: плавленые сырки «Смеющаяся корова», только что испеченные багеты, яблочный лимонад, пирожные с арахисом, похожие то на малень-

кие сухие галеты, то на свежие блинчики. Ребенок ищет косяк, взрослый пытается ему помешать.

Ближе к шести вечера долгая прогулка в дюнах. Сперва на машине, потом пешком. Совершенство всего, что нас окружает: цвет неба, моря, дюн, и никакой способности описать эти уровни глубоких белых оттенков. Стоянки птиц, разлетающихся при нашем приближении. Присутствие детей, «безупречных статистов», шепчет мне в ухо Б. так, чтобы они слышали. Мы снимаем обувь, идем дальше, подняв голову навстречу ветру. Дети дерутся, их переплетенные в песке тела, образуя единого, дрожащего и путающегося монстра с восьмью лапами и двумя головами, напоминают мне внутреннее состояние Т., насколько оно мне известно: возвращение юношеского пыла, который мы никогда не могли разделить. Спутанные и подскакивающие дети на моих глазах становятся им и мною (Т. стремительно несется на пляж, будто сказочное море). Тогда я бросаюсь в эту рукопашную, я хватаю их и заставляю вертеться, кусаю их, цепляюсь за них, сплетаюсь с ними, я песчаная змея, они добираются до меня и укрощают, они дерут меня за волосы, давят, выкручивают яйца, трут мне лоб песком, потом заставляют меня есть песок. На нас опускается ночь, и море поднимается, оно ткет на краях бухт нити из света раскаленного золота, которые на фотографии станут необъяснимыми. Я закончил пленку, я разматал ее очень быстро, чтобы остановить искушение постоянно снимать; как всегда, самые красивые фотографии – те, которые невозможно сделать; именно потому, что аппарат пуст и безопасен, такие моменты становятся нереальными. Мы больше не можем найти машину, мы должны укрыться

во впадине одной из дюн, дети играют роль жаждущих наемников. Но навстречу идут тени, внезапно на гребнях дюн появляются четыре бербера с факелами и окружают нас. Они перерезают горла детям, а нас двоих бросают в тюрьму.

64
Взрослый умеет больше скучать, чем дети. Он исчерпал свои уловки: быстро развеявшуюся белую дымовую шашку, микроскопические игральные карты, японскую подзорную трубу размером с кусочек сахара, он не мог взять с собой фейерверки, так как боялся, что они взорвутся в самолете. Вчетвером мы оказываемся в каземате, освещение ужасное: над дверью болтается бедная лампочка. Мы замечаем, что у нас нет постельного белья, только два царапающихся и вонючих одеяла, из-за которых мы, тем не менее, ссоримся. Страх скуки взрослого наполняет комнату и заставляет нас нервничать. Он принимается читать скучный и неправдоподобный рассказ русской шпионки. Ребенок-попугай, не желающий его слушать, надевает наушники и просит у меня ручку, чтобы писать свой дневник, в какой-то момент он поднимается, и я замечаю на открытой странице буквы, складывающиеся в мое имя. Ребенок-бездельник распаляется. Наконец картину как-то оживляет обсуждение программы на следующий день: мы скотчем приклеиваем к стене карту, и я снова достаю листок с названиями деревень и отелей, Тарудант, Тафраут, Урзат, гостиница «Золотая газель» с белым слоном. Одна из рек воздушного змея служит указкой, чтобы напыщенно обозначать расстояния, которые осталось преодолеть. Но в моей руке географическая тросточка не медлит стегнуть ягодицы голого ребенка, я щиплю его чуть пухлую грудь, глажу гладкую спину.

В это время печальный ребенок засовывает руку в трусы наставника. Потом он ложится, и милый ребенок берет меня за руку, чтобы положить ее на живот уродливого ребенка, потом, чтобы сжать его член. Наш преподаватель обеспокоенно ходит взад и вперед. Очень нежное, слишком быстро исчезнувшее животное чувство. Я вспоминаю, что во второй половине дня заметил необычную красноту ногтей ребенка.

65

Счастье быть невымытым, не чистить зубы, ходить с грязными ногами и воняющим членом, пукать, рыгать, пить спиртное, курить косяк.

Мы больше не знаем, чем заняться, и снова идем в деревню. Ребенок развлекается тем, что ведет машину по торфянику зигзагами и таранит зады ослов. Плотная тьма, высвеченная белыми полосами фар, снова смыкается за нами. Ребенок говорит: «Хочу задавить африканца». Мы останавливаемся возле первого попавшегося кафе: французский сериал по телевизору, стучащие по столу картежники, невыносимый шум. Деревенские дети подходят к окну и смотрят на нас сквозь стекло. Мы садимся вокруг стола, не говоря ни слова, пьем слишком сладкий чай с мятой. Гравюры с розовыми и беспутными маркизиками на стенах, между гербами короля и его сына сцены разврата в кринолинах на лодках, в лесах во время охоты, запах пудры для париков. Выходя, ребенок торгуется из-за шарика кифа и трубки из папье-маше.

Когда мы возвращаемся в лагерь, все окна погашены, а ворота накрепко заперты. Мы должны перелезть через стены, дети протягивают мне руки, они меня уже знают, и тем сильнее я удив-

люсь, когда перед слишком высокой стеной они не протянут руку. Нет света и в каземате, взрослый должен в последний раз принести жертву, теперь это волшебный фонарь, светящийся стержень, горящий шесть часов подряд. Палку отправляют с одного конца комнаты в другой, дети суют ее в плавки, в рот, чтоб показать нам лицо негра, индийца и втягивать щеки, обсасывая ее с подозрительным увлечением. Сев на корточки, мы курум косяки, пятнадцать, двадцать штук один за другим, до изнеможения. Я сваливаюсь. Я брежу. Я засыпаю, превознося удовольствия, которые вызывают во мне ресницы жирафа. Но некрасивый ребенок будит меня: он просит милого ребенка полностью раздеться, чтобы сделать ему магнетический массаж. От ласки у милого ребенка встает. Когда настает мой черед, я отказываюсь раздеться, массаж нельзя делать через одежду. Я глажу ахиллесово сухожилие ребенка, потом прижимаюсь к его спине. Чтобы пожелать спокойной ночи, он сдавливают мне руку.

Против ветра я пошел к морю умыться лицо, меня сопровождала старая белая собака с обвисшими и вздувшимися сосками. Она едва могла ходить. Я разговаривал с ней, гладил ее, она была одна в целом мире.

Когда вчера вечером я отказывался от магнетического массажа, я не хотел дать детям разгадку секрета. Но дети воспользовались неразумием ночи, чтобы похитить его, мой секрет, во всяком случае, именно это они намеревались сделать. Утром ребенок-разведчик выкладывает мне очень точное описание моего тела, к счастью, он лжет и ошибается в самом главном.

На дороге из Таруданта свора диких собак. Ребенок, сидящий рядом со мной на заднем сиденье машины, кусает мне руку. Я глажу его нежную грудь.

Мы приезжаем в Тарудант, город со стенами из сухого навоза. Мы бредем по его улочкам, за пять дирхемов какой-то велосипедист показывает нам дорогу к «Золотой газели». Но, как я и предвидел, белый слон умер, и, может быть, никогда не был белым. Его заменили верблюдом, но верблюды тоже умер, и его уже не заменили никем. По правде говоря, место мне не нравится: я представлял себе розовый дворец с балконами, кисейными занавесками от москитов над кроватями, пальмовым садом с бассейнами прозрачной воды. Тем не менее, здесь есть все: слуги в тюрбанах срывают апельсины с деревьев, чтобы наполнять ими чаши, ставят в вазы мясистые полураскрывшиеся цветы, названия которых не знают. Желобки бирюзовой воды бороздят весь сад вплоть до бассейна. Мы находимся посреди миража, но настоящие миражи чернеют за дорожными поворотами. Вместе с Б. мы сожалеем об этой роскоши слишком высокого класса, чтобы мы ее оценили: мы бы предпочли, чтобы все пребывало в упадке. Возвращаясь в наши номера в стороне от детей, Б. предвещает здесь одиночество, словно дети всего лишь мираж. Ибо воспользоваться подобной роскошью, чтобы снискать блаженство, означало бы оказаться в полной изоляции; в комнате, где я пишу, умирает насекомое, убитое инсектицидом, слышно последнее биение его крыл. Мы одни в этом номере без детей, как два старика, мы и в самом деле лишь слегка опережаем смерть, но вдруг дети – действительно мираж?

Дети ушли в бассейн. На некоторое время мы с Б. остаемся в номере одни, я собираюсь лечь, а Б. ищет в своем чемодане купальник (мы по-прежнему постоянно находимся днем в одном номере на четверых и больше всего боимся, что дети оставляют нас, чтобы спать вместе, я уверен, что они всему предпочли бы именно это). Я спрашиваю Б., хорошо ли он себя чувствует, и он говорит мне, что сожалеет о том, какой оборот принимают его отношения с милым ребенком.

Звуки детского пукания, которые я избегал замечать в ванной, эти звуки, которые я ненавидел, становится звуками желания.

Посещение рынка. Покупка хамелеонного порошка, чтобы сохранять хорошую память, черного мыла, чтобы кожа была белее, украденной из китовых голов амбры, чтобы хорошо пахнуть, и конфитюра из носорожьих рогов, чтобы стоял колом.

Головокружение на вершине вала, на который я имел неосторожность забраться, но ребенок дает мне руку, головокружение – почти осмысленное повеление сознания.

Подрывающее упоение косяком, но после того, как я уже повалился на ложе, ребенок-попугай садится возле и целует мой лоб.

Вторник, 6 апреля

Падать навстречу любви. Падать все ниже. Распускается бутон лихорадки. Вот она, лихорадка.

Я пишу на краю бассейна, в тени, на круглом столе, накрытом нежной тканью полинявшего розового цвета. Милый ребенок лежит на шезлонге. Взрослый в бермудах идет мимо со своим плеером. Птицы. Кудахтанье девочек. Темнокожий мужчина собирает сачком тину, испражнения жаб, спрятавшихся на рассвете.

Уже далекие воспоминания о предыдущем дне, сокрытые дымом косяка, будто туманом, впитывающей все в себя губкой. Тем не менее, столько вещей, о которых можно рассказать.

69

К шести вечера милый ребенок проголодался, ожидание ужина напоминает о школьной пытке, он высокомерно требует своего пайка, и я сдавливаю его лицо ладонью. За ужином под тентом шапито с мужчинами в тюрбанах и колоннами размалеванного дерева, похожего на тотемы, Б. предлагает игру, чтобы каждый поочередно дал другому определение одной фразой. Я пытаюсь увильнуть от игры: боюсь, что должен буду как-то определить вслух милого ребенка. Я говорю о ребенке-попугае, что он одновременно резвый и томный, наделен большой женственностью (которая могла бы позволить ему носить декольте, не будучи смешным) и очень мужской крепостью. Очаровательный ребенок говорит о взрослом, что он – великий нежный злюка, а обо мне, что я великий злой неженка. Слово «злой» сказано: я как раз боялся, что меня вынудят определить его, очаровательного ребенка, именно этим словом. «Это злоба разлуки», – говорит Б., заканчивающий фразой о ребенке-попугае, которая жжет ему губы: он – старая женщина, укрывшаяся в детском теле.

Будто пансионеры, мы проходим в салон: столетний старик занят приготовлением чая: он сидит на ковре по-турецки перед жаровнями, чайниками с инкрустацией, скрученными и перемешанными листьями мяты, на треножнике кипит большой чугунок, старый мужчина переливает настоявшуюся воду из одного сосуда в другой с театральностью, за которой не удастся скрыть очевидное: чай, подаваемый нам с почтительностью, в которой мы не умеем распознать презрения или высокомерия, – отвратительная бурда. Потом он открывает перед нами дверь, и мы попадаем из его логова в прекрасное видение: сложно соединенные между собой желобки голубой воды подсвечены, прожекторы всеми цветами радуги освещают пальмы, лай шакалов и кваканье жаб кажутся записанными на пленку, столь внятно и регулярно они повторяются, в высоких деревьях будто притаились укутанные мужчины с кинжалами. Мы направляемся к бассейну, я несу ребенка на плечах, мне хватает сил поднять пятьдесят шесть килограмм, я немного шатаюсь, идя вдоль желобка. Я опускаю ребенка и три раза целую в губы. Милый ребенок исчез.

(Утром меланхоличному ребенку нужно одиночество, прохлада, он идет отвлечься один в кровать другого ребенка, словно, чтоб искупить неверность прошедшей ночи. К нам он присоединяется лишь позже на краю бассейна, отсутствующий, сонный).

Милый ребенок куда-то пропал, но его голос в потемках дороги нас потревожил: он сидит на скамье с двумя девочками. Он подходит к нам и просит разрешения переспать с этими девочками.

ми; обращается по очереди к Б. и ко мне, но мы не спешим с ответом. Угрюмый ребенок, немного обезумевший от присутствия девочек, остается у нас в ногах. Втроем мы возвращаемся в номер, зажигаем свечу, стоящую на камине, пытаемся разжечь огонь, но дерево, кажется, сырое. Взрослый приносит в жертву лавандовый уксус, опрыскивает им два не подчиняющихся полена. В свой черед я жертвую туалетную воду, потом всю переписку, этот блокнот для записей, мои книги, Леопарди, Расина, Малларме, даже птицу, которую ребенок сплел из пальмового листа, все это мы кидаем в пламя. Мы втроем брошены, и нам нужно обязательно поддерживать огонь. Одновременно рядом и далеко, очаровательный ребенок приносит в жертву свою невинность в объятиях девочек, которых он нашел, и мы исчерпываем все наше дыхание, раздувая огонь, глотаем белый дым, жжем наши глаза, сменяем друг друга, сидя на корточках против огня, бегаем в темноте, чтобы собрать сухую листву, выпускаем пауков на наши постели, мы – три гаруспика^{*}, и разжигание враждебного нам огня становится брачным обрядом, или же тем, может быть, роком, что идет против любого брака, происками, сохраняющими то самое целомудрие. Мы оставляем в огне мундштуки наргиле^{**}, швыряем туда наши нирваны. Как только огонь исчезает, рассеивается в темноте, он сразу же магическим образом вспыхивает вновь, возрождается, возникает в топке и освещает нас, дарует новую надежду. Или же пламя на расстоянии поддерживает эрекцию ребенка и раздвига-

* Гаруспики – жрецы Древнего Рима, гадавшие по внутренностям жертвенных животных.

** Наргиле – курительный прибор, сходный с кальяном.

ет, увлажняет промежности девочек, или же это пламя бросает вызов простейшему притяжению женских и мужских полюсов. Угрюмый ребенок в беспокойстве нас покидает. Взрослый уходит. Я остаюсь один охранять огонь и вытягиваюсь на полу. Даю ему добровольно угаснуть. Наконец, спустя час, во мраке, квадратура восстановилась, я говорю, что хочу спать возле несговорчивого ребенка.

72

Первый раз я один с этим ребенком, прямо напротив него, глаза в глаза, я говорю ему: «Мне кажется, я так далеко от тебя». Тогда, словно в благодарность, с пылом жалобы, долго сдерживаемого признания, которое наконец утоляется, ребенок говорит: «И я тоже, я чувствую себя таким далеким от тебя».

(Невинный ребенок, ведущий машину на поворотах вершин Атласских гор, я в твоих руках, ты можешь меня убить, если тебе приятно.)

Полночь. Я остаюсь наедине с хмурым ребенком, огонь погас, свеча тоже. Он поджигает последний шарик кифа. Я долго глажу его гладкие ноги, потом обнимаю и целую его, мои губы слегка касаются пушка на его губе, в первый раз напротив нее я прикусываю свой язык, и ребенок с нежностью говорит мне фразу Бартлби* : «Я предпочел бы не». Он говорит, что еще невинен и не хочет приносить в жертву свою девственность в руках мужчины, тогда я поклоняюсь его чистоте и нарекаю сыном.

* Бартлби – герой рассказа Г. Мелвилла «Писец Бартлби», знаменитый тем, что от всего «предпочитал отказать».

Позже ребенок высвобождается из моих объятий, чтобы перечитать слова, написанные в его дневнике о друге, милом ребенке. Он заставляет меня читать их, и я с удовольствием удивляюсь такому пассажи: «Моей мысли никогда не удастся его прогнать, несмотря на многие попытки» (я думаю о Т.). Мы разговариваем в полутьме, при оставшемся в ванной свете я вижу его меняющееся лицо, то лицо индийца, то закрывшей глаза Сиамской принцессы. Он говорит, что, закрывая глаза, видит белый парус с черными арабскими знаками.

Вчера вечером невинный ребенок попросил сделать мне магнетический массаж, но я сказал, это равнозначно тому, что преждевременно открыть ему мой секрет. Он спрашивает меня, нет ли у меня случайно третьей груди или шрама вдоль всего тела. Сейчас милый ребенок настаивает на том, чтобы я вместе с ним искупался, и хочет знать причины моего отказа. В другое время с иной культурой я был бы уже замучен пытками.

Город. Разносчики воды и охотники за огнем, варщики, крестьяне, перепачканные в крови, горбуны, страдающие базедовой болезнью, поедатели гусениц, обкуренные, плетельщики сеток от мух и семихвостых плеток, перекупщики вставных зубов, чистильщики кальмаров, синильщики, резальщики нежного мяса, калека, разговаривающий только с культей. Под лоскутными зонтиками всем известные писатели. Они тоже умеют рассказывать о своих приключениях.

Продавец оплеух занимает место возле кружка зевак и проходимцев, рядом с ним совершенно

беззубый старик. Это его приятель-осел. Повязкой, стянувшей бритые виски старика, продавец оплеух закрепил две поношенные подошвы, изображающие уши. Он набил ему чем-то штаны и вставил в них сзади меж ягодицами закрученный спиралью черный кожаный хвост. Продавец оплеух держит осла на привязанной к шее веревке, оскорбляет его и бьет изо всей силы огромной палкой прямо по заду, и при каждом ударе старик увертывается от него, словно юла, корча в улыбке мокрый рот.

Ночь. Мы блуждаем на машине по лабиринту медины, проносящиеся в свете фар лица, омерзительное видение мира, объяснение всех войн, резни, атомной бомбы, воспоминание о фразе Дюрас: «Пусть весь мир сдохнет, пусть сдохнет, вот вам и вся политика». Кипящее варево, на краю которого мы балансировали, стоя на валу, стало внезапно самой учтивостью, настоящей язвой туризма.

Швейцарские кадры и их супруги в баре отеля: играют в свои профессиональные игры, поют тирольские песни. Одни за другими, словно в ритуале, они дефилируют перед марокканским гидом, обнимают его и приглашают приехать в Швейцарию: «У нас есть совершенно очаровательная спаленка для гостей с видом на озеро».

– Чем занимаются по ночам все эти мальчики, стоящие с книгами в руках на лужайках под фонарями?

– Это студенты, у которых дома нет электричества...

– Дурачок, в этой стране уже давно нет никаких студентов, они все занимаются проституцией, а,

чтобы ускользнуть от полиции, сохранили привычки прежних студентов...

На двадцать шестом году жизни прийти к такому вот заключению: никогда больше не путешествовать, оставаться в своей квартире, в своей стране, на своей улице, у себя дома. Это не слабости, просто благоразумие.

Я не пойду сегодня пожать руку ребенку, нужно, чтобы он сам пришел пожать мою, но я уже знаю, что он не придет.

75

Среда, 7 апреля

Дети спали вместе. У нас смежные комнаты. Однако, когда пора спать, они закрывают выдвижную дверь. Это не столь бы ранило сердце, если бы дверь не называлась, к несчастью, общей дверью.

Утром, когда мы уже встали и умылись, милый ребенок приходит голый и ложится в мою постель, и я знаю, мы оба знаем: он выбирает мою кровать, чтобы причинить боль другому взрослому.

Разговор с Б. на расстоянии, когда мы уже легли: я говорю ему, что дистанция – это основа морали (но пишу в дневнике «смерти» вместо «морали»). Нужно уметь соблюдать дистанции, об этом узнаешь еще в детстве, держа руки на плечах соседа, об этом нельзя забывать. Я никогда не понимал, что идея дистанции – одна из сил, одно из самых неуязвимых достоинств ума Т. Я ошибочно принимал его отношение к дистанции за безразличие, снобизм. Но дистанция – одна из самых красивых форм уважения.

Этим утром мы с Б. обошли с десяток отелей, дабы избежать вечером, чтобы общая дверь снова захлопнулась. Едкие запахи, прогорклые сумерки увиденных комнат. Мы возвращаемся в наш отель.

Мне сложно решиться написать: дерьмовое путешествие, дерьмовые дети. Начало лжи: написать это значило бы отказаться от моего романа.

76

«Вы должны понять наши печали, потому что они благородны. Необязательно, что у вас будут точно такие же, но те следы, которые они прочертят в ваших сердцах, если вы оставите их открытыми, смогут их утолить».

«Устраняясь, вы думаете спасти себя, но вы себя обедняете».

«Мое тело – это рана, но ни за что на свете я не променяю его на твое маленькое тельце куклы, непристойное из-за его совершенства».

Сегодня вечером я буду биться за то, чтобы общая дверь осталась открытой. Я буду биться. В моем теле живет борец, дети хотят его разбудить?

Мне иногда кажется, что мой способ оболения детей – это правда, искренность, в то время как их способ оболения нас – это ложь, лицемерие.

Стоит мне у края бассейна взглянуть на другого ребенка (этого зовут Алексис, он в красных плавках, худой и высокий), и сразу же ревнивый ребенок бежит ко мне, чтобы снова поработить мой взгляд.

«Венсан, если ты не откажешься от того языка, который соединил нас тем вечером, я нареку тебя своим единственным сыном, и убором для твоего коронавания будет то розовое платье с воланами, что я отыскал для тебя на базаре».

Блокнот на этом этапе наших отношений стал предметом видимым, беспрестанно доставаемым, вставшим меж нами, таинственным, моим единственным способом выживания, и вам теперь нужно заставить его исчезнуть, уничтожить его. Сильнее прежнего прижимается этот блокнот к моей коже.

77

Ребенок хочет бросить на ветер птицу, которую он сплел из пальмового листа и обещал мне, я не мешаю ему, я смотрю на него с безразличием.

Белый треугольник указывает на скотобойню. Какое-то время в своей лавке мясник находится рядом со зверем, обернутым в тряпки, зверем, которого он любил, в чрево которого текло его наслаждение.

Неделя без оргазма.

Вместе с нашим двухметровым гидом, носящим черный галстук, который заставляет его потеть, собираемся искать снег.

Просвеченная насквозь цветными лучами, словно призма, пронзенная диагоналями машина едет сквозь воды, земли, бурные потоки, из плодородной зелени в безупречную белизну Аглаглы, к меткам, оставленным душегубами, прячущимися в душе, продавцами потухшего пламени.

Новое плавное схождение в жару заката к королевскому городу, к его саду тысячи белых павлинов.

Сегодня цирк «Текила» не давал представления. Поэтому мы берем напрокат коляску, старые лошади больше не скачут рысью, древний погонщик вдоль небольших пустошей вторит передвижениям короля.

78

Четверг, 8 апреля

Однако мне кажется, что путешествие уже завершилось, и скоро закончится мой блокнот, это, может быть, и есть моя настоящая плата. Сегодня уезжаем в Могадор.

Зловещие знаки на дороге в Шишаву: маленький черный козленок, которого рубят на куски яростные руки двух мужчин.

В машине, в которой мы печемся, несмотря на устремляющийся на нас ветер, взрослый уснул, следом за ним уснул и милый ребенок. Целомудренный ребенок ведет машину и снова держит в руках мою жизнь, и нить нашего сознания в тишине пейзажа похожа разговор.

Ребенок струит из своего рта в мой отраву, потом воду, она ее разбавляет и отпускает его грехи.

Иногда я смотрю на ребенка и больше не нахожу его красоты, я боюсь, что красота была всего лишь добавлена моим взглядом.

Пятница, 9 апреля

Краткое счастье вчера вечером, пока мы прогуливались по гавани, меж высокими, собранными и подвешенными, чиненными и новыми тралами, сиреневыми сетями, продавцами соли, крупичами дымящегося льда, приканчивающими омаров. С наступлением темноты мы по порядку располагаемся в шлюпке, ею правит мужчина в одежде, перепачканной кровью. Желтый диск солнца висит в сверкающих полосах, поглощаемых волнами. Мы пристаем к черному острову.

79

Позже, в лучах фар: неясные формы, проносящиеся меж дюн, опустившиеся на лапы жующие одnogорбые верблюды, охраняемый неподвижными мужчинами тент, собака, гонящая быков. Тяжесть опиума, шум морского отлива, вдалеке еле различима крепость, курган, остов судна, потерпевшего кораблекрушение. Потеря сознания.

Ночь без сна, как выпадет жребий, в одной большой постели (родительская постель в спальне на четверых), рядом с ребенком. Его рука охраняет член, и малейшее движение моей руки заставляет напрячься все его тело, больше всего ранит меня его смех. Неприятное прикосновение жесткого одеяла в незастеленной постели (случай с соскальзываниями штанов, жертвами которого становимся Б. и я), нашествие тараканов.

Закрытие пробуждения, горлающее ночью из репродуктора, вопли скряг, казнимых на вершинах минаретов, скрежет виселиц.

Каждый вечер девственный ребенок прикрепляет, пытаясь уравновесить, к поднявшемуся

члену все более и более тяжелые пачки бумаг. Их невозможно прочитать, в них нет никакой похабщины, на них вообще ничего не пропечатано, они были отмерены по миллиграммам веса абсолютно чистой бумаги. Кипы хранятся в особом футляре. Они могут дополнять друг друга, дабы увеличить нагрузку, что будет сопротивляться эрекции. Ребенок говорит: «Когда я смогу носить Библию, я смогу заниматься любовью». Я бы хотел, чтобы однажды он нес на вставшем члене эту книгу раскрытой.

Сегодня еще больше, нежели жара (я достаточно одет, чтобы от нее защититься, даже снова надел галстук), для меня невыносим свет, мне кажется, что он, минуя прорези глаз, сразу попадает мне в голову, зрачки бастуют. И невозможно смотреть на лицо ребенка, не чувствуя, как поднимается тошнота.

Я оставил любимую розовую рубашку на последний день, но время обольщений прошло, настало время ностальгий, розовый подходит трауру.

Дорога из Могадора в Агадир: Изабель снимается в Мексике, Тьерри в Йере с Кристиной, Ивонн присоединилась к матери в Иерусалиме, Патрис должен быть в Берлине, когда я ложусь, с разницей во времени, Клер встает, чтобы идти в редакцию, Мишель перечитывает первые гранки своей бесконечной книги, Матье вернулся из Венеции накануне моего отъезда, и Филипп уедет в Москву в день моего возвращения, я обещал написать письмо Хансу Георгу, и у меня осталось всего четырнадцать часов, чтобы это сделать. Может быть, когда

я вернусь, Сюзанн, как предсказывала, будет уже мертва, и я знаю, что мне не удастся даже вспомнить о том последнем мгновении, когда я видел ее живой. Почему мы все так далеко друг от друга?*

На обочине мальчишки хотят продать разрисованные в цвет незабудки комья земли. Черные мужчины бросаются под колеса белого человека, чтобы умолять об освобождении.

81

Возвращение в Могадор за паспортом Б., который забыл у себя или притворился, что забыл, владелец гостиницы. На базаре, где мы покупаем яйца, хлеб и плавленый сыр для пикника, я случайно натыкаюсь на стопку газет многодневной давности. Я ее покупаю. Там есть моя статья, я читаю из любопытства и не узнаю ни одной фразы: я уверен, что написал ее от первого до последнего слова, она даже не была сокращена или как-то исправлена, и, тем не менее, ни одна идея, ни одна формулировка мне не принадлежат, статья могла бы быть написана кем-то другим, и даже тогда не была бы мне более чужой. Ощущение провала.

* Эрве Гибер упоминает актрису Изабель Аджани; возлюбленного Тъери Джуно, которому посвящены многие книги и с которым писателя связывало более 15 лет совместной жизни, спутницу Тъери Джуно – Кристину, Гибер женился на ней незадолго до своей смерти от СПИДа, зная, что вскоре должен умереть и Тъери (Гибер хотел обеспечить будущее детей Кристины); режиссера Патриса Шеро; своего возлюбленного, философа Мишеля Фуко; фотографа и писателя Ханса Георга Бергера, с которым они вместе путешествовали и выпустили несколько иллюстрированных книг, в доме Бергера на острове Эльба писатель часто гостил и на том же острове был похоронен; свою двоюродную бабушку Сюзанн, которую Гибер часто фотографировал.

Но ребенок спрашивает меня, есть ли в этой газете моя статья, и раскрывает ложь. Я с недовольным видом отдаю газету, он читает. Через пять минут, отложив ее, он в тишине протягивает мне руку, растопырив пальцы, просовывает их между моими, сжимая кисть, и шепчет: «Я тобой горжусь». Колебание между стыдом и счастьем.

82 Эти цвета, я воспроизведу их по памяти. Однажды, когда я ослепну или когда все границы будут открыты, я нарисую карту Марокко.

Мы останавливаем машину на берегу моря, недалеко от белого маяка, чтобы сделать снимок на память: садимся на корточки против заходящего солнца, под аппарат на капоте машины мы положили камни: я рядом с непорочным ребенком, между щелчков я поднимаю его майку, чтобы погладить гладкую теплую спину. Мое фото на память будет снято во время нашего позирования, во время ласки.

Финал на плоской крыше отеля «Аладдин». Как всегда, мы в поиске номера на четверых: в этом, без окон, с двумя форточками по концам, выходящими одна в пустоту, другая на заброшенную террасу, стоят друг против друга четыре маленькие кровати. Это комната для рабочих, табличка на двери указывает, что марокканцам предоставляется 25% скидка. Крыши за день нагрелись от солнца, и в номере все пылает, мы устраиваем между двумя отдушинами поток воздуха, даже не распаковываем багаж, только лезвиями бритв разрезаем опиум, чтобы отправить его в конвертах во Францию. В унитазе плавают древний экскремент, от которого мы не можем избавиться, вода еще не

подключена, мы на полную отвернули краны, но она не льется. Мы пробираемся, сначала высунув голову, через узкие форточки, чтобы попасть на самую высокую в городе крышу. Полная далекая луна, на нее наплывают грозовые тучи, «которые ее мнут, луна вдруг стала совсем старой», говорит ребенок. Вдохнув опиум, мы ложимся на пол, чтобы наблюдать за нею, по камням носятся гекконы. Взрослый обходит по кругу балкон, направив подзорную трубу на квартиры или номера отеля, над которым он возвышается, он разыскивает влюбленных. Внезапно зовет меня: он видел в одном номере девочку, лежащую со своим плюшевым зверем, в ее ногах вытянулась на животе ее мать или, может быть, кормилица, и рассказывает ей историю, в маленьком увеличительном кружке видно, как двигаются ее губы. Вода фыркает в кранах, спуск смывает старый экскремент, и дети набирают ванну, на террасе крыши я переставляю шезлонг и двигаю стул прямо под форточку ванной комнаты, чтобы подняться до створки и наблюдать за детьми. Невинный ребенок испражняется; когда он опорожняет желудок, появляется прелестный ребенок, и они вместе залезают в ванну. Я оставляю их, чтобы вернуться к луне. Взрослый приходит растянуться возле меня, женщина и ее малышка заснули прежде конца истории, не погасив свет. Я надеюсь, что дети к нам присоединятся. Они приходят, ложатся между нами влетом; не сговариваясь между собой, мы как раз оставили для них место. Я встаю и поднимаю непорочного ребенка, хватаю его на лету, когда он пытается убежать, разворачиваю его, обнимаю. Он зовет меня папой, я зову его то возлюбленным сыном, то любимой дочкой. У меня в штанах поднимается, и, сжимая его, приперев к стене, я трусь

об него, вздрагивая, один рывок бедрами за другим, я пытаюсь кончить, я говорю ему: «Учись, как заниматься любовью». Я закидываю его ноги за мою спину, мы симулируем удовольствие. Потом я занимаю место девочки, я складываю для него щель из одежды внизу живота, и он покрывает меня, он меня трахает, непорочный ребенок говорит: «Тебе нравится, да, шлюха?», потом я ложусь рядом с ним, глажу его живот, его грудь, он пальцем обводит контур моего уха, отодвигая волосы, он кладет руку мне на спину и давит на меня, целует мои губы, остающиеся сухими, я ни разу не пытаюсь нарушить его запрет, я нюхаю его шею, его подбородок, целую его глаза, еще я чувствую на своих губах нежный пушок, который растет на его губах; улыбка, не исчезающая с его лица, в то время как его глаза остаются закрытыми, делает меня счастливым. Прелестный ребенок вертится вокруг нас, притворяясь, что наблюдает за чем-то в подзорную трубу, и мой возлюбленный его прогоняет, словно зверь в опасности на собственной территории, он говорит другу: «Уходи, ты нам не нужен». Милый ребенок в бешенстве хватается меня, угрожая, затем убегает. Как только тот исчез, невинному ребенку хочется его разыскать, он отказывается доставить мне наслаждение, словно сгорая со стыда, он отказывается лечь со мной на воздухе под одеялом, отговариваясь тем, что замерзнет. Я остаюсь один на террасе, склоняюсь с высоты балкона, голова кипит, я смотрю на последних гуляк, на изголодавшихся псов, громкая музыка из ночного клуба «Али-Баба» доходит до самой крыши. Я жду, что ребенок вернется, но я знаю, что он не придет, нужно дожидаться, чтобы он начал скучать, когда я пойду спать, жалкий, подавленный, всего на час, на сквозняке, перед

отъездом в аэропорт. Но ребенок возвращается, я снимаю свои штаны, снимаю штаны с него и начинаю ознакомительную игру без рук, руки подняты кверху. Потом увлекаю его за собой на балкон танцевать, оголив ягодицы, смешной вальс, спотыкаясь в спущенных брюках. Потом снова прислоняю его к стене, притягиваю за его напряженный и тонкий хвост, все время мастурбируя свой, он говорит мне, что не испытает оргазма, я кончаю, произнося его имя. Потом он снова возвращается, последний раз, когда, оставшись на балконе один, я попытался ненадолго уснуть, призывы к молитве, снова переданные с высоты минарета, заменили диск «Али-Бабы», под эти ревушие крики заклятия, в лучах светящейся рекламы отеля, когда, нагнувшись над пустотой, он следит за гуляющими по шаткой земле котами («двадцать лет назад, говорит ребенок тихо, словно с самим собой, здесь было землетрясение»), под эту жалобную мелодию я снова ему дрочу, повалившись на его спину, спариваясь, словно грабитель, до тех пор, пока мои руки не становятся влажными, и от удовольствия он дарит мне смех, ибо вместо сто-на он дарит смех, я развеиваю по ветру остатки дурмана.

Суббота, 10 апреля

Я возвращаюсь домой: я опустошил почтовый ящик, бросил конверты в сумку, раскрытую, когда вынимал ключи. Но я не узнаю своего дома, я не узнаю лестницу, не узнаю ее запах, не узнаю ключи, которые держу в руке, будет настоящее чудо, если они отопрут дверь на пятом этаже, и если за этой дверью я смогу отыскать знакомые предметы. В квартире холодно, я выключил обо-

греватели, я сажусь, сжавшись, в непромокаемом плаще, чтобы прочитать почту. Несколько дружеских посланий, не так много, какое-то оскорбление, которое я сразу же рву, неожиданное письмо, заставляющее меня плакать. Я дрожу. Я один. Я словно потерпевший поражение, и, тем не менее, продолжаю жить. Два дня ожидания перед возвращением Т.

- Что могло бы тебя спасти?
- Прикосновение к телу ребенка, но только из отвращения, которое вызывает во мне мое тело.

Я больше не видел ребенка. Я запрещал себе видеть его, но он был в моей крови, продолжавшей нести сквозь сердце яд, отраву, колдовство, которое мне было невозможно извлечь оттуда и даже ослабить. Я был, словно египтологи из комикса «Сигары фараона», которые, вернувшись в свою страну, поражены смертельной болезнью за то, что осквернили саркофаги в недрах пирамид. Опороченный ребенок стал мумией короля, бросившей на порог моих снов свой стеклянный шар, заключавший в себе полное оцепенение, блески которого околдовывали, пронзили мое тело повсюду. Ученые из комикса, просыпающиеся, скорчившись в конвульсиях, на больничных кроватях, не узнают жен, пришедших проведать их. Снова увидев Т., я, конечно, его узнал, но простер между ним и собою дистанцию канувшей в прошлое нежнейшей привязанности, мы были двумя призраками, двумя любовниками, у которых не было на костях никакого тела, чтоб показать друг другу страсть.

Я вновь касался его тела с изумлением, почти со страхом: у меня было ощущение чего-то непристойного, когда я смотрел на его фигуру, на его большой торс, на его широкий затылок, на его крепкий член; моими руками словно кто-то управлял на расстоянии; они привыкли к телу ребенка, к этой уменьшенной модели, и не знали, что делать на столь большом пространстве, они терялись, привычная территория стала самой странной, самой незнакомой страной. Эта трево-

га усиливалась от подобия наших тел, я никогда не испытывал столь сильное ощущение гомосексуальности рядом с телом ребенка, но Т. уже больше не был ребенком, он был мужчиной, мы оба были мужчинами, которые сходили с ума, дроча друг другу, кусая друг друга, кончая друг в друга. В момент оргазма, словно во сне, словно в мольбе пробуждения, самоустранении всех извращений, я просил его давать мне пощечины, и с первого раза он умел придать этим ударам значимость, нежность ласк. Я оставлял его влюбленным, вновь покоренным, не предполагая, что это могла быть наша последняя встреча, что подобный обмен теперь невозможен меж нами.

91

Со следующего дня, когда я просыпался, эта последняя связь казалась нереальной, ребенок вновь обнаруживал себя, именно он был в моих венах, моей голове, моем члене. При малейшем скрипе на лестнице он звонил в мою дверь, каждый звонок телефона воссоздавал его лицо, но отсутствие голоса сразу же повергало его в печаль, я принялся проклинать все, что не было им, и все было только им лишь внутри меня. Я наконец напечатал фотографии путешествия, но еще больше, чем на глянцевой бумаге, я видел его в пальмовом листке, сплетенным в птицу, который он мне отдал. Я тайно поклонялся этому листку с острыми краями, заботливо им обрезанными, я ранил о них пальцы.

Чтобы добиться доказательств его присутствия, я стал лунатиком. По ночам я громил свою спальню, переставлял все предметы. Утром я, счастливый, видел их разбитыми, разрушенными, почерневшими: зная, что он всегда старался оставлять свет в моей компании, я поместил свечу в самый дорогой фужер для шампанского, бесценный подарок, от жара пламени стекло трескалось, каждый

сухой звук трещины меня очаровывал, я лизал на краю подушки, словно его собственную, свою пенистую слюну, он исцарапал все мои диски, открыл и испортил переплеты моих книг, он нюхал, раздувая в стороны, мои порошки и эфиры, всю ночь он пускал ветры, утром я хмелел в этих перемешавшихся зловониях. От последующих ночей я постоянно ожидал все большего беспорядка: я сладостно воспринял бы ограбление.

92

Т. зашел повидать меня без предупреждения. Он с беспокойством оглядел разгромленную комнату, но, ничего не сказав, лег на живот. Я машинально вытащил рубашку из его штанов, чтобы погладить ему спину, я спрашивал себя, понимает ли он, до какой степени мои ласки лишены какой бы то ни было любви, и в этот самый момент он спросил меня, не случилось ли со мной что-нибудь, чего я не решаюсь ему доверить. Я ему говорю: да, неужели ты не чувствуешь, когда я к тебе прикасаюсь, что в моих руках больше нет никакой любви? Он ничего не ответил и ушел.

Долгие часы член ребенка был у меня во рту, я всасывал, сосал, лизал его, до того, что мое дыхание прекращалось, вытягивались все соки. Его пенис в моем рту был нежен, я продолжал сосать его, не оставляя, только для того, чтобы следить поверх за блужданием глаз ребенка, одновременным падением его несхожих век, невыразимой красотой, которая вдруг сжимала их и окутывала взгляд негой. Передо мной снова возникало лицо Сиамской принцессы, возможностью видеть которое он одарил меня в Таруданте в отеле «Золотая газель». Я смотрел на великолепие молодого самца, который всей рукой берет свой член, заставляя меня поклоняться ему, но делает это без надменности, одновременно властно и нежно, словно это приказ, сказанный на ухо не громче тайны. Когда

после нескольких часов плена меж его членом и его глазами я вставал и вытягивался возле, мастурбируя ему, чтобы он кончил, я вдыхал целый каскад запахов, которые его тело долго удерживало в себе и теперь распространяло вокруг, словно образцы благовоний, напрягаясь, а потом отпуская себя, словно струна, за несколько секунд перед самым оргазмом всеми порами кожи, подмышек, шеи, в которую я утыкался носом, начинали литься его кислоты, его соки, поты, все источники детства, вся сладковатая горечь желудка, отрыжки, словно из каких-то сточных труб, слезные испарения, первые зерна семени, которые мой палец осторожно брал, чтобы я их пробовал.

И я, счастливый, извивался вечером в этой пустой кровати, которая могла заточать его запахи. Перед зеркалом я пытался руками лепить свое лицо, словно оно было тестом, чтобы снова увидеть ребенка; я крепко сжимал ладонями виски и прикрывал свои глаза, чтобы увидеть его глаза, я знал, что мой оргазм будет всегда лишь воспоминанием о том оргазме, который я дал ему.

Настоящий сон после этой дремы прерывался ужасом, я просыпался с колотящимся сердцем, метался, беспокойный, измученный, раздавленный его отсутствием, я боялся, что он утонет вместе со мной в моем кошмаре.

Днем песок шуршал в сложенном, забытом в кармане листке бумаги, песок прилипал к выемкам гравировки монеты, которую я положил на стойку кафе, песок забивался под мои ногти, песок всегда возвращался в опустошенные карманы куртки, многоцветный песок Марокко, более драгоценный, чем героин, я избавлялся от него щепотками и дуновениями, а он все рос, словно воспоминание о ребенке.

К ночи он возвращался, и я сразу же вновь зажи-

гал огонь в фужере для шампанского, подарке, не имеющем для меня цены, и звук каждой трещины, сухого раскалывания, вызванного слишком живым огнем, доставлял мне губительную радость, так плохо открытое шампанское пропитывает ковер и обесцвечивает навощенный паркет, так анус ребенка опять выпускает газ, когда приближается мой палец. Его лицо было освещено полной луной, все опускающейся и вращающейся, его полуприкрытые в оцепенении глаза: разграбление моей квартиры, моей персоны, мягкость моего члена его совершенно преображали.

Я не видел его уже больше двух недель, но я все еще целовал его ноги, каждый вечер, ложась, я вновь надевал, будто убор жениха, маленькое кольцо из рыбьих зубов, которое подобрал на улице, и которое он мог бы мне подарить, снять со своей шеи, чтобы надеть на мою, утром его присутствие удивляло меня прикосновениями, мне его не хватало и он душил меня, ночь жестоко заставляла меня его забыть, его вес на мне становился совсем незаметным.

В К., куда сослала меня, несчастного, моя работа, я решил позвонить ему, чтобы он приехал, но он не мог. Я попросил его написать мне письмо. Два дня (нас разделял праздник) я ждал этого письма. Наконец оно было здесь, лежало на стойке отеля, разорванное сзади, точно кто-то хотел пощупать, что внутри. Там не было ни одного выражения ожидаемой, общепринятой нежности, оно даже не говорило в конце «обнимаю тебя», и еще менее «я тебя люблю», оно не намекало ни на одно вместе пережитое событие, ни на одно воспоминание, и, тем не менее, от его слога, словно то была тонкая филигрань, исходила прекраснейшая нежность. Письмо, написанное от первого лица, рассказывало историю некоего персонажа – это был

автор письма, тот, что обращался ко мне, – уезжавшего, покидавшего вечером дом, без всякой мысли, не знавшего, ни куда он идет, ни почему. Он ехал в метро, потом в поезде до пригорода, того пригорода, где одно время жил и где остались его друзья, которых он даже не собирался навестить. Он писал письмо в метро, потом в поезде, и почерк дрожал. Он писал, что ему скучно, что курит слишком крепкую сигарету, что, самое главное, ему не хватает этой женской ласки, о которой он столько мечтал, не зная ее, но он говорит также, что слишком застенчив, чтобы кадрить, что приставанья не для него, что он находит это слишком вульгарным. Он без всякого интереса рассказывал распорядок своего почти закончившегося дня. Он терялся сам и терял свое время, давая ему течь в пригороде, где он едва узнавал улицы. Он возвращался. Снова сидя в поезде, потом в метро, он опять принялся писать, писать это письмо, которое я недавно так настойчиво просил его написать мне. Точно неизвестно, куда он ездил, как прошло время между двумя поездками, встречался ли он с кем-то, обменялся ли с кем-то словами. Он сам не знал, почему уехал и что собирался сделать. И потом, внезапно, он это узнал и написал об этом: это было только для того, чтобы иметь возможность писать, чтобы иметь возможность написать мне, что он уехал, чтобы это письмо могло быть составлено и отправлено еще до рассвета, уже отослано на другой вокзал, в моем направлении, он не мог писать мне дома. Теперь у него была уверенность, что он знает причину поездки, утраты себя, и после отлучки он написал о своей радости; на этот раз, писал он, благодаря письму, его день не был полностью бесполезен, потом он ставил свою подпись, без всякого перехода от одной мысли к другой.

Ребенок говорит, что хочет стать моряком,
краснодеревщиком.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Тони Дювер
РЕЦИДИВ

Я потерял счет времени, потому что снял часы. Чем мы занимались? Да тем, чем обычно занимаются в постели. Он взял бритвенное лезвие и нарисовал у меня на животе красную звезду – пупок в центре. Осторожно лег на меня, и звезда отпечаталась на нем.

Пьер Гийота
ВОСПИТАНИЕ

Первые 14 лет жизни, 1940-1953: оккупация, освобождение, обретение веры в Христа, желание стать священником и спор с Богом, позволившим гибель в концлагере юного Юбера, над головой которого годовалый Пьер Гийота видел нимб.

Жорж Батай, Диана Батай
АНГЕЛЫ С ПЛЕТКАМИ

Без малого 20 лет Диана Кочубей де Богарнэ (1918-1989), дочь князя Евгения Кочубея, была спутницей Жоржа Батая. Она опубликовала лишь одну книгу «Ангелы с плетками» (1955). В этом «порочном» романе, который вышел в знаменитом издательстве Olympia Press и был запрещен цензурой, слышны отголоски текстов Батая.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

**Франсуа-Поль Алибер
МУЧЕНИЯ ЧЛЕНА**

Франсуа-Поль Алибер (1873-1953) современникам был известен как один из спутников Андре Жида и плодовитый поэт, тяготеющий к классическим формам. Лишь через полвека после смерти Алибера были открыты его тайные сочинения – эротические повести весьма радикального толка. «Мучения члена» – исповедь человека, наделенного детородным органом невероятных размеров, «Сын Лота» – рассказ юноши, который провел неделю, занимаясь любовью с собственным отцом.

**Пьер Гийота
КОМА**

Видеть мир подобно кроту, хоть он видит так мало, или подобно водяному пауку и орлу одновременно; ощущать мир подобно ковровому клещу, крабу или киту; как чайка, которая в мороз сидит на короне статуи короля и согревается своими испражнениями.

**Уильям Берроуз
БЛЭЙДРАННЕР**

Предсмертный бред знаменитого гангстера... Исчезновение тайной библиотеки предводителя секты ассасинов... оргии в гигантском лепрозории... опустошенный Нью-Йорк 2014 года... Это фильмы Уильяма Берроуза, которые вы никогда не увидите на экране.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Габриэль Витткоп

СОН РАЗУМА

Муж забивает беременную жену тростью в горящем кинотеатре, распутники напаивают шампанским уродов в католическом приюте, дочь соблазняет отцовских любовниц, клошар вспоминает убийства детей в заброшенном дворце, двенадцатилетнюю девочку отдают в индонезийский бордель... Тревога – чудище глубин – плывет в свинцовых водоворотах. Все несет печать уничтожения, и смерть бодрствует даже во сне.

Антонен Арто

ГЕЛИОГАБАЛ

Арто сидел в кафе “Куполь”, бормотал стихи, говорил о магии: “Я – Гелиогабал, безумный римский император”, потому что он становился всем, о чем писал. В такси он откинул волосы с разъяренного лица, встал, вытянул руки, указывая на людные улицы: «Вскоре наступит революция. Все это будет уничтожено. Мир должен быть уничтожен...»

Герард Реве

МАТЬ И СЫН

Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Герард Реве, ищущий и духовного единения с Богоматерью, и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом. Мечтая о новой встрече с Матросом, автор не забывает и о других «милых мальчишках».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д.
12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Гилея» Тверской бульвар, д. 9
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Индиго» Невский пр., д. 32-34
«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
дк им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»
«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж

обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Эрве Гибер

ПУТЕШЕСТВИЕ С ДВУМЯ ДЕТЬМИ

Kolonna Publications. Россия, Тверь, улица Л. Базановой, 20
Подписано в печать 03.06. 2011. Тираж 500 экз. Заказ № 1184
Формат 70 x 100/32. Объем 6,5 п. л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»
172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков,
ул. Володарского, 33